

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Причины, итоги, потери

ХХ военные
тайны
века

А.П. РУСАКОВ

Военные тайны XX века

Александр Русаков

**Вся правда о войне.
Причины. Итоги. Потери**

«ВЕЧЕ»

2012

Русаков А. П.

Вся правда о войне. Причины. Итоги. Потери / А. П. Русаков — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военные тайны XX века)

Великая Отечественная война началась очень трагично для нашей страны. 22 июня 1941 года войска гитлеровской Германии и ее союзников одновременно нанесли страшный удар по советским вооруженным силам и их базам, а также по транспортным узлам, городам и другим населенным пунктам нашей страны. Красная Армия понесла огромные потери, превышавшие потери аккупантов. Враг занял, разрушил или уничтожил значительную часть экономического потенциала СССР, захватил в плен сотни тысяч солдат. Однако, несмотря на все это, СССР, воюя практически в одиночку и получая сравнительно небольшую экономическую помощь от союзников, смог переломить ход войны и одержать полную победу над Германией и ее союзниками. О причинах страшных неудач и блистательных побед Великой Отечественной рассказывает книга историка А.П. Русакова.

Содержание

Введение	5
Часть 1	11
1. Традиционные и новые представления о причинах неудач Красной Армии в 1941 году и их критика	11
2. Объективный характер решающих причин неудач Красной Армии в 1941 году и иных событий и итогов войны	24
3. Ресурсные возможности СССР и Германии, роль их союзников и других стран к началу войны и в ходе ее	32
4. Соотношение сил и средств сторон в начале войны	47
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Русаков

Вся правда о войне.

Причины, итоги, потери

Введение

Великая Отечественная война началась очень неудачно для нашей страны. Вероломно напав на СССР 22 июня 1941 года, войска гитлеровской Германии и ее союзников сразу же нанесли страшный по силе удар по советским вооруженным силам и их базам, а также по транспортным узлам, городам и другим населенным пунктам нашей страны. Превосходя в силах и средствах, воспользовавшись фактором внезапности и другими благоприятными для себя обстоятельствами, войска агрессоров всего за несколько месяцев оккупировали огромные территории европейской части СССР, создав реальную угрозу захвата столицы нашей Родины – Москвы. При этом Красной Армии были нанесены большие людские и материальные потери, которые намного превышали потери захватчиков. Одновременно врагом довольно быстро и легко была захвачена, разрушена или уничтожена значительная часть экономического потенциала СССР. В результате преимущество Германии и ее союзников над нашей страной в совокупных военных и экономических ресурсах, которое с учетом ресурсов оккупированных и зависимых от нее европейских стран и так было весьма значительным, возросло еще более.

Однако, несмотря на эти большие неудачи в начале войны, СССР, воюя долгое время почти в одиночку и получая сравнительно небольшую экономическую помощь от своих союзников, смог переломить ее ход в свою пользу, а затем одержать вместе с ними в итоге полную и сокрушительную победу. Конечно, нельзя недооценивать вклад США, Великобритании и других стран и народов в борьбу с нацистской Германией и ее союзниками, который с каждым годом войны приобретал все более важное значение, но наиболее мощные удары и масштабные поражения немецким войскам нанесла наша страна и ее армия, вплоть до их полного разгрома и безоговорочной капитуляции, а также падения нацистского режима.

В чем причины происходивших в ходе Великой Отечественной войны метаморфоз? Почему Красная Армия так легко проиграла кампанию 1941 года? Как СССР сумел выстоять в наиболее тяжелые первые полтора года войны, заметно уступая врагу в силах, средствах и ресурсах, проигрывая большинство сражений, теряя свою территорию, а вместе с ней население и ресурсы? Почему, несмотря на большие потери, СССР смог выиграть решающие сражения войны, переломить ее ход в свою пользу, вынудив многих союзников нацистской Германии выйти из нее и даже перейти на нашу сторону? Какую роль в этой войне играли союзники СССР и Германии? Каковы на самом деле масштабы, цена и значение достигнутой в этой войне Победы? Поиск и осмысление ответов на эти и другие связанные с ними вопросы избраны в качестве основных задач настоящего исследования.

С момента окончания этой войны прошло уже много времени. О ней написано огромное количество трудов самого разного характера и направленности, как в нашей стране, так и за рубежом: научных работ, энциклопедий и справочников, мемуаров, научно-публицистических и публицистических произведений, не говоря уже о художественной литературе. Войну, разумеется, не обходят своим вниманием авторы многочисленных учебников и иной учебной литературы, которые посвящают ей целые главы и разделы.

Казалось бы, события и итоги войны исследованы в них основательно и подробно. В значительной мере это так и есть, но большинство из опубликованных работ имеют в основном описательный, справочный или полемический характер. Причем здесь речь идет не только о

публицистике, мемуарах или энциклопедиях. В тех же научных трудах, других исследовательских работах, а также в учебниках мы встретим в основном описание и хронику происшедших событий, различные данные об их участниках, используемой боевой и иной технике и оружии. Гораздо труднее найти в них всесторонний анализ фактов, попыток дать подлинно научное, объективное объяснение ходу и содержанию событий войны, их результатам, а тем более раскрыть их коренные причины, диалектику объективных и субъективных факторов.

Надо отметить также откровенную идеологическую пристрастность и политизированный подход авторов большинства работ к исследуемым и описываемым событиям. Много в этих трудах также эмоционального отношения к историческим личностям военного времени, которого, впрочем, избежать по понятным причинам довольно трудно. Сомнительной представляется и методология большинства исследований, причем даже многих научных работ, в частности из-за своего субъективизма и догматизма.

Кроме того, в последнее время выпущено довольно много исторических книг, авторы которых занимают резко тенденциозную позицию, пытаются поставить под сомнение или даже опровергнуть очевидные факты войны. Отдельные из них доходят до представления в резко негативном виде не только советского политического и военного руководства того времени, но и Красной Армии и нашей страны в целом, а также до фактического оправдания многих действий нацистской Германии и возвеличивания вермахта. В той или иной мере это относится к таким авторам, как В. Суворов, Б. Соколов, М. Солонин, И. Бунич и некоторым другим.

В своем стремлении преодолеть указанные и другие типичные и распространенные недостатки работ об истории войны, автор старался последовательно соблюдать методологические принципы объективности, полноты и всесторонности проведения исследования. Его метод основывался на диалектическом и системном подходе к рассмотрению событий и итогов войны, определению их причин. В своих суждениях и выводах автор опирался на факты, уделяя основное внимание их логическому анализу, обобщению и оценке, в их совокупности и с учетом их системных связей. Особое значение придавалось наиболее значимым и бесспорным из них.

Определяя соотношение сил, средств и ресурсов сторон, а также их потерь, автор исходил из того, что историкам и другим специалистам не удалось с достаточной точностью и достоверностью выполнить их подсчеты. Это обусловлено прежде всего тем, что они основаны на субъективных данных, представленных противостоящими сторонами, а также несовершенством метода социально-гуманитарных наук. Поэтому они могут и должны подвергаться сомнению, и автор определил собственные оценочные величины этих данных с учетом их соответствия более надежно установленным фактам войны.

Однако выполненная работа не является формально научной, и ее в целом следует признать научно-публицистическим исследованием. В частности, автор не стремился к ритуальному подкреплению каждого своего суждения цитатами и другими ссылками на исторические труды. Не вполне традиционной для научно-исторической работы может показаться и эмпирическая база проведенного исследования, которая состоит из данных, почерпнутых из общедоступных источников. Это обусловлено масштабностью, общим характером поставленных в работе вопросов, для ответа на которые необходимо прежде всего всестороннее осмысление важнейших, хорошо известных фактов и статистической информации.

Многие положения настоящей работы имеют в той или иной мере гипотетический или оценочный характер. Более того, есть основания утверждать, что по-другому и быть не может, вследствие хотя бы огромной сложности и масштабности большинства из рассматриваемых событий. Даже при всем желании они не всегда могли быть верно отражены и точно зафиксированы, описаны и измерены, а тем более если такого желания у должностных лиц времен войны часто и вовсе не было. Да и не до того нередко было. Вспомним, что практически так и не был налажен сколько-нибудь точный учет советских военных потерь в начале войны, в

условиях неожиданного немецкого вторжения и быстрого отступления Красной Армии. Впрочем, вряд ли он был столь уж точным и далее, как и учет потерь нашего врага.

Наконец, в значительной своей части работа и вовсе имеет откровенно публицистический облик. Так, автор не постеснялся использовать в ней эмоциональные реплики, риторические фигуры, иронические фразы, идиоматические выражения и т.п. Представляется, что прямые высказывания и искренние мнения скорее могут помочь, чем помешать пониманию выраженных в книге идей.

Вместе с тем она имеет отчасти и философский характер, выразившийся прежде всего в масштабности поставленных исследовательских задач и широте взгляда на них с использованием подходов и данных различных наук, а также в том, что в качестве основного ее исследовательского приема применялся анализ многих наиболее важных и общих фактов Великой Отечественной войны.

Таким образом, эта работа представляет собой завершенную попытку проведения самостоятельного системного исследования большинства наиболее важных и общих вопросов истории Великой Отечественной войны в контексте всей Второй мировой войны: о расстановке сил сторон накануне ее начала, о причинах военных неудач Красной Армии и СССР в первые ее месяцы и устойчивости советской державы, несмотря на большие потери, отступления и поражения ее армии в этот период, о соотношении используемых в ней сил, средств и ресурсов, о причинах общей победы СССР и его союзников в этой войне, об основных ее итогах, потерях в ней СССР и их соотношении с потерями врага. В то же время автор старался не углубляться в ход отдельных битв и других событий войны, а рассматривать события в целом, в своих основных проявлениях и их взаимосвязи. Конечно, эти битвы и иные события являются сами по себе очень важными, но они достаточно хорошо рассмотрены во многих трудах, и, кроме того, в масштабах поставленных в работе вопросов являются скорее частными, сравнительно небольшими явлениями.

Одним из обязательных принципов исторических работ является соблюдение основополагающих нравственных, этических и юридических норм. Особенно актуальны для трудов о Великой Отечественной войне соответствующие требования о проявлении осторожности в стремлении пересмотреть традиционные представления об этом полном чрезвычайного трагизма периоде истории. Попытки отойти от шаблонных взглядов на события войны сами по себе могут быть продуктивными, а проявленная при этом смелость может привести действительно к новым исследовательским результатам. Однако в этом случае существует опасность вступления в противоречие с основными фактами войны, а также юридическими и моральными нормами, что не может быть оправдано ни плюрализмом мнений, ни свободой поиска истины, ни самыми что ни на есть позитивными целями и мотивами.

Нельзя оправдать никакими поисками истины извращение причин, хода и результатов событий войны, переходящее в неуважение к их жертвам и героям или реабилитацию агрессоров и военных преступников. Особенно опасными и циничными в настоящее время являются попытки некоторых авторов фактически оправдать вероломное, коварное, неспровоцированное, внезапное, агрессивное нападение гитлеровской Германии и ее союзников в 1941 году на СССР, совершенное с преступными целями и принесшее в конечном итоге многие миллионы жертв и колоссальные разрушения и страдания.

Решения Нюрнбергского трибунала и другие международно-правовые документы, в которых нацизм, руководящие органы нацистской Германии, агрессивные и бесчеловечные действия лидеров этого государства и многих немецких военных деятелей в ходе Второй мировой войны, в том числе и против СССР, признаны преступными и осуждены, еще никто не отменял, как и нет малейших оснований для их отмены. Но есть еще моральный суд русского и других народов СССР над жестоким врагом, есть память миллионов ветеранов войны и тыла, их детей и других потомков, в которой нацизм, действия А. Гитлера и иных руководителей

нацистской Германии, ее вооруженных сил против нашей страны и ее граждан предстает как чудовищное зло, не имеющее никакого оправдания.

Подобные преступления совершили и марионетки гитлеровской Германии, особенно профашистские националистические силы Хорватии и Западной Украины. Более того, ужасные злодеяния усташей в Югославии, а также бандеровцев на Украине и в других регионах еще не получили должного осуждения, чему причиной были особые политические обстоятельства, которые сложились после войны и сохраняются до сих пор.

Недопустимы также ни под каким предлогом, в том числе такими популярными уже многие годы, как «десталинизация», «борьба с большевизмом», «национальное возрождение» или «признание всех тоталитарных режимов преступными», оправдание предателей нашей Родины, тех граждан СССР и других наших соотечественников, кто перешел на сторону врага, или тех, кто так или иначе сотрудничал с преступным нацистским режимом и его сателлитами, был их пособниками. Политическая или идеологическая конъюнктура, научная парадигма могут изменяться, но предательство и участие в кровавых злодеяниях не перестают быть таковыми.

Можно спорить о том, были ли СССР, партия большевиков, советский строй, сталинский режим справедливыми, легитимными или несправедливыми, нелегитимными, подавляли ли они народ или способствовали улучшению его жизни, принесли стране больше пользы или вреда и т.д., но независимо от решения этих вопросов, преступная сущность гитлеровского режима и его политики, факт совершения нацистами и их союзниками разбойничьей агрессии против нашей страны не могут измениться и перестать быть таковыми. Поэтому те, кто помогал гитлеровцам в их борьбе против СССР, не столько боролся со сталинским режимом или большевизмом, если даже такую борьбу и можно признать справедливой самой по себе, сколько так или иначе соучаствовал в чудовищных преступлениях нацистской Германии, направленных против СССР и многих других стран, против мирных народов Европы, чему не может быть оправдания. Можно, конечно, говорить, что кто-то чего-то, возможно, тогда и не знал или не понимал, и даже на этом основании уменьшать степень их вины, но мы-то разве не знаем о преступных планах и действиях властей и других структур нацистской Германии и ее союзников?

Однако нравственно-этические ограничения не должны приводить исследователя к примитивизации или демонизации врага, необъективному взгляду на его силы и действия, явному преувеличению числа его жертв и вообще препятствовать или мешать установлению истины. Кроме того, надо различать и меру ответственности организаторов и участников нацистско-фашистских злодеяний и их пособников, многие из которых стали таковыми вынужденно.

В ходе проведенного исследования была предпринята попытка обоснования многих положений работы достаточно представительным кругом литературных и иных источников. По возможности автор старался использовать труды, опубликованные в разные периоды послевоенной истории, в том числе и в последние годы, а также одновременно опираться на источники, которые являются альтернативными по представленным в них взглядам авторов, их гражданству, виду, характеру и направленности соответствующих работ. Вместе с тем обращения к хорошо известным, практически неоспоримым фактам в настоящей работе, как правило, делались без ссылок на какие-либо источники. Не стремился автор и к частой апелляции к идеям авторитетных ученых, изложенных в том числе и в широко признанных трудах, подробному цитированию различных источников, приданию частыми ссылками на них впечатления высокой объективности и большой основательности проведенного исследования. Такие попытки представляются не более чем наукообразием и формализмом, а то и обусловлены недостатком собственных идей.

Достижение успеха в исследовании поставленных в работе вопросов может иметь позитивное значение в самых разных аспектах. Во-первых, это поможет выработать справедливое

отношение к событиям и результатам этой войны, к ее основным участникам. Во-вторых, это позволит лучше понимать события этой и смежных с ней эпох. В-третьих, от этого зависит наша способность лучше раскрывать и понимать закономерности мировой и отечественной истории. В-четвертых, эти знания увеличивают наши возможности в правильном понимании текущей ситуации развития страны и человечества и умении верно предвидеть их будущее. В-пятых, правильное понимание сущности происшедших важнейших событий в жизни страны, какими были трагические и великие события исследуемой войны, дает важную информацию к размышлению о сущности общества и человека.

Но прежде чем начать основную часть работы, хотелось бы уточнить смысл наименований (понятий) «Великая Отечественная война» и «Вторая мировая война». Согласно господствующим взглядам политиков, историков и ученых, Вторая мировая война происходила с 1939 года по 1945 год, начавшись с нападения гитлеровской Германии на Польшу и вступлением в нее на стороне Польши Великобритании и Франции и закончившись поражением агрессора и его союзников в Европе, а затем основного их союзника в Азии – Японии от коалиции СССР, США, Великобритании и союзных им государств. Великая Отечественная война – это основная составная часть Второй мировой войны, которая началась с нападения Германии и ее союзников на СССР в июне 1941 года и закончилась их разгромом СССР и союзными ему странами в мае 1945 года. Основные военные события Великой Отечественной войны состояли в военном противоборстве СССР, с одной стороны, и Германии и ее европейских союзников, с другой стороны. Происходившие в это же время бои на других европейских фронтах и территориях, являясь составной частью Второй мировой войны, были тесным образом связаны с Великой Отечественной войной. Определенное влияние на развитие Великой Отечественной войны оказали также сражения и бои вне пределов Европейского континента. При этом советско-германское противоборство стало решающим не только для нее, но и для Второй мировой войны в целом.

Таким образом, Вторая мировая война состояла из 3-х своих основных периодов (частей):

1) с общепризнанного момента ее начала в 1939 году и до момента нападения Германии и ее союзников на СССР в 1941 году, представляя собой в это время ряд локальных, как правило, взаимосвязанных военных столкновений и сражений, происходивших со значительными перерывами, то есть начальная, вялотекущая, sporadическая ее часть;

2) Великая Отечественная война 1941—1945 годов и другие военные столкновения и бои, которые происходили в этот период, как тесно с ней связанные, так и имеющие с ней довольно отдаленную связь, то есть основная, наиболее интенсивная, непрерывная и кровопролитная ее часть;

3) разгром Японии и союзных ей сил на Дальнем Востоке летом 1945 года, то есть завершающая, почти локальная ее часть, как бы события постфактум.

Вместе с тем в литературе распространено и более широкое понимание этих наименований. Так, основным было и остается представление о том, что участие СССР в войне на Дальнем Востоке являлось продолжением Великой Отечественной войны, или иногда встречаются высказывания о том, что Вторая мировая война началась с нападения Италии на Эфиопию в 1935 году или даже Японии на Китай в 1931 году и т.д. Однако автор считает более верным, напротив, сужение понятия «Вторая мировая война». На самом деле 1 сентября 1939 года произошло лишь нападение Германии на Польшу. Но даже с объявлением 3 сентября 1939 года Великобританией и Францией войны Германии началась общеевропейская война, причем «странная», ограниченная, которой затем сопутствовали ряд локальных войн и боевых столкновений в некоторых регионах Азии и Африки, а также на море у берегов разных континентов. Но таких локальных войн и военных конфликтов в мире было немало и раньше. Более того, даже с нападением Германии на СССР началась не более чем тотальная всеевропейская война,

а для нашей страны она стала Великой Отечественной войной. И только с нападением Японии на США 7 декабря 1941 года действительно началась мировая война, так как теперь уже в нее были вовлечены все ведущие мировые державы, которые прямо столкнулись в военном противоборстве на многих континентах и океанах.

Тем не менее подобное, более узкое, понимание военно-политических событий исследуемого периода требует развернутого обоснования, а это не входит в число задач настоящей работы, поэтому во избежание путаницы и малопродуктивной дискуссии автор будет придерживаться в понимании содержания и структуры Второй мировой войны и связанных с ней событий традиционных представлений.

Итак, книга состоит из введения и 2-х основных, относительно самостоятельных частей. В качестве приложения к ней приобщен перечень ссылок на источники приведенных в книге различных цитат и иных данных.

1-я часть книги состоит из 9 глав, которые неравны по размеру, написаны в неодинаковом стиле и имеют разный характер содержания. Так, 1-я глава представляет собой краткий обзор распространенных, резонансных или иных актуальных мнений разных авторов о причинах военных неудач СССР в начале войны, насыщенный довольно острой или ироничной критикой наиболее странных и абсурдных из них. Во 2-й главе дается научно-философское обоснование характера причин военных неудач Красной Армии в 1941 году, как и последующих результатов сражений войны, которые являются, по мнению автора, прежде всего объективными и закономерными. 3-я и 4-я главы содержат подробный анализ соотношения сил, средств и ресурсов воевавших сторон с активным использованием различных источников. Почти в том же духе написана глава 5-я, в которой обстоятельно освещается вопрос о значении фактора внезапности нападения Германии на СССР с подробным цитированием документов и других важных источников. В 6-й главе на основе выполненного в основном в предыдущих главах анализа предпринимается попытка определения в систематизированном виде основных факторов поражений Красной Армии в 1941 году. Близка ей по характеру следующая глава, только содержит она уже перечень факторов краха гитлеровского блицкрига. В 8-й главе автор на основе собственного осмысления приведенных в предыдущих главах фактов попытался определить основных виновников поражений Красной Армии в начале войны. Наконец, 9-я глава содержит авторские суждения о типичных ошибках исследователей этой войны.

2-я основная часть работы имеет много общего с ее 1-й частью по своей структуре, композиции и стилистике. Она посвящена итогам Великой Отечественной войны, как и Второй мировой войны в целом. Особенно много в ней говорится о демографических и иных потерях СССР и других воевавших стран, а также о причинах Победы в ней СССР.

Часть 1

Причины неудач Красной Армии в начале Великой Отечественной войны

1. Традиционные и новые представления о причинах неудач Красной Армии в 1941 году и их критика

Причины военных неудач Красной Армии в 1941 году в литературе о Великой Отечественной войне называются самые разные, как объективные, так и чаще субъективные. Даже если вспоминать здесь только о наиболее широко известных из них, то и тогда их подробный обзор вряд ли был бы возможен в настоящей работе. Поэтому автор ограничится в основном лишь кратким обозначением большинства из них, не вдаваясь при этом в особенности позиций тех или иных исследователей.

Для удобства восприятия эти называемые разными авторами причины можно сгруппировать следующим образом:

1) изначальное превосходство войск противника в численности, благодаря заблаговременно проведенной мобилизации; достигнутое Германией опережение в развертывании своих сил вторжения; лучшая укомплектованность воинских частей и подразделений немецкой армии личным составом, вооружением и техникой;

2) булыший опыт немецких генералов в управлении войсками в современной войне, полученный ими в успешных для них кампаниях 1939—1941 годов; их умение наносить неожиданные удары; лучшая выучка и большой боевой опыт немецких солдат и офицеров;

3) лучшее в среднем качество немецкой техники и оружия; захват ими большого числа чешских, французских, британских, бельгийских танков, автомобилей и другой трофейной техники, оружия и иных материальных средств; гораздо лучшая радиосвязь, которой были оснащены немецкие войска, особенно их самолеты и танки;

4) удачный общий план ведения войны, который немцам и их союзникам в значительной мере удалось воплотить; быстрый и прочный захват ими стратегической инициативы;

5) просчеты военного и политического руководства СССР в планировании строительства вооруженных сил и подготовки к войне, в частности проявившиеся в диспропорциях структуры войск и оснащения их различными видами техники и оружия, в ошибках в их дислокации, в переоценке собственных сил и недооценке сил противника;

6) удачный для немцев и их союзников выбор времени начала войны, благодаря в основном благоприятному для них стечению обстоятельств, когда оборонительные сооружения на новой советской границе (1939) были еще далеки от готовности, а на старой границе уже была снята значительная часть вооружения, большое число советских войск находились в стадии реорганизации и передислокации и т.д.;

7) растерянность многих наших командиров после первых мощных ударов врага и последовавших за ними крупных проигранных сражений, переходящая в панику; потеря в первые дни войны управления войсками Западного фронта;

8) ослабление командного состава Красной Армии предвоенными репрессиями; морально-политическая неустойчивость многих советских командиров и бойцов [1].

Впрочем, некоторые современные авторы причины наших военных неудач 1941 года объясняют еще проще. Например, по-прежнему довольно популярно мнение о том, что в Красной Армии слишком много тогда было политруков, особистов и комиссаров, которые мешали в

управлении войсками [2]. В то же время автор нескольких нашумевших исторических книг Ю. Мухин полагает, что советские вооруженные силы в этот период возглавляли плохие, непрофессиональные генералы, многие из которых не только не умели, но и не хотели самоотверженно воевать. В свою очередь, это было обусловлено прежде всего недостатком позитивных офицерских традиций, а истоки этой проблемы он обнаруживает в различных исторических обстоятельствах, вплоть до негативных социальных реформ и процессов конца XVIII века [3]. Близок ему в этих взглядах А. Ивановский, усматривающий основную причину наших поражений 1941 года в постоянных ошибках советских военачальников, начиная от неудачной дислокации войск и баз накануне войны и заканчивая неправильным выбором направлений ударов по врагу после ее начала [4]. В том же направлении устремляет свой взгляд и А. Больных, который главную причину происшедшего в начале войны конфуза Красной Армии видит в военно-теоретическом превосходстве врага и его лучшей готовности к маневренной войне, успешном освоении и применении немцами оперативного искусства блицкрига. Но и он тоже отмечает «полнейшую беспомощность советского командования» [5].

Таким образом, большинство современных авторов трудов о войне, как и многие их предшественники, обнаруживают причины неудач Красной Армии в 1941 году в основном в субъективных факторах. Но если раньше главным «козлом отпущения» у мастеров исторических сочинений был И. Сталин, то теперь все чаще его место занимают генералы Красной Армии, вплоть до «Маршала Победы» Г. Жукова. Характерным в этом отношении является следующее высказывание одного из самых плодовитых авторов военно-исторической литературы последних лет А. Широкограда: «... человеческий фактор сыграл решающую роль в катастрофе лета 1941 года. Причем основная вина лежит не на Сталине, Молотове и Ворошилове, а на командующих округами, армиями, дивизиями, полками» [6].

Между тем в последние годы стали появляться новые варианты, в сущности, стародавней версии, объясняющей поражения Красной Армии в 1941 году ее подготовкой к агрессивным действиям в ущерб оборонным мероприятиям. В частности, А. Осокин заявляет о неготовности советских войск в западных приграничных округах к неожиданному нападению вермахта из-за их подготовки к совместному с Германией походу против Великобритании, в которую, как это следует из его рассуждений, советское руководство втянул коварный А. Гитлер, а их всех в итоге перехитрил У. Черчилль. Мол, советские войска готовились к маршу почти через всю Европу к Великобритании. Тут фашисты и застали их, так сказать, врасплох. Вместе с тем этот автор не забывает обратить внимание и на важное значение для развития военно-политических событий в Европе полета Р. Гесса в мае 1941 года в Великобританию и его секретные переговоры с представителями правительства этой страны [7]. Вот только должных выводов из этого странного визита одного из нацистских лидеров он сделать так и не смог.

Не прокомментируйте сразу же столь парадоксальное объяснение причин первоначальных поражений Красной Армии, хотя бы кратко, было бы со стороны автора этих строк непростительным равнодушием. Действительно, предположения А. Осокина просто восхищают своей чрезвычайной смелостью, которая возникла у него, по-видимому, из-за недостатка знаний и избытка воображения. Неужели он не знает, что к 22 июня 1941 года Германия сумела сосредоточить на границах с СССР большую часть своих войск, в то время как на подступах к Великобритании она держала не более десятой их доли, а советские войска не только близко к этой самой стране не стояли, но даже вблизи с границей Германии насчитывали меньшую свою часть?! Даже во всех западных военных округах их было тогда немногим больше половины общей численности [8].

Да и разве из-за недостатка сухопутных сил Германия не разгромила тогда Великобританию? Ведь ее преимущество над этой морской державой в указанном виде вооруженных сил было подавляющим, что еще доказали сражения 1940 года. Военному разгрому Великобритании в то время мешали многие обстоятельства, в частности наличие у нее весьма сильной

авиации, большие ресурсы ее колоний, поддержка США и доминионов, но особенно среди них выделяются ее островное положение и огромная мощь флота этой державы. Ну и как руководство СССР могло помочь Германии решить эти проблемы, даже если бы на самом деле этого захотело?! Зачем Гитлеру были нужны советские танки? Если бы он действительно сумел бы уговорить советское руководство вступить с ним в некий скрытый военный союз (допустим, что Сталин, Молотов и иже с ними были такими наивными и беспринципными), то ему были бы нужны от СССР корабли, самолеты, горючее и другие материальные ресурсы, а вовсе не танки и пехота.

Более того, руководство Германии, как показали реально происшедшие события, на самом деле не очень-то и стремилось к разгрому Великобритании. Здесь уже не приходится говорить о таких «мелочах», как отсутствие хоть каких-нибудь достоверных документов и важных свидетельств, подтверждающих осокинскую версию. В конце концов, и как преодолеть более чем существенные политические, организационные, технические и другие трудности осуществления этой поистине чудесной операции, А. Осокин тоже почти никак не объясняет.

Можно, конечно, пытаться строить «здание» истории войны и при помощи предположений, но надо хотя бы это делать в более точном соответствии с подлинными фактами и не забывать о логике. Например, как это удастся А. Саввину, который в полете Р. Гесса в Великобританию увидел явные признаки сговора немецкого и британского военно-политического руководства, направленного против СССР, приводя в пользу такого предположения куда более убедительные доводы, чем А. Осокин [9]. Не менее убедителен в осмыслении этого странного полета одного из нацистских лидеров В. Веселов, который считает, что обе страны в начале 1941 года нуждались если не в союзе, то хотя бы в замирении. Именно в этом состояла истинная подоплека миссии Р. Гесса в Великобритании, а также заинтересованность британского и германского руководства в сокрытии многих важных обстоятельств контактов ближайшего сподвижника А. Гитлера с представителями этой державы [10].

Разве не известны резко русофобские и антикоммунистические взгляды А. Гитлера и многих других руководителей Германии и, напротив, их определенные симпатии к Англии и почти не скрываемые надежды на «арийскую солидарность»?! Вспомним, к примеру, то же «чудо в Дюнкерке», происшедшее в июне 1940 года, в котором немцы отнюдь не спешили добивать оставшихся фактически блокированными английские войска, дав им почти без помех эвакуироваться морем. А тот же Р. Гесс вообще имел репутацию англофила. Самое же главное, дальнейшее развитие военно-политических событий в Европе после этого странного визита одного из немецких лидеров в стан номинального врага проходило в интересах прежде всего Великобритании, а особенно неблагоприятным оно было для СССР.

Вот что писал об истинных настроениях Гитлера и характере взаимоотношений между указанными державами известный британский историк Б.Г. Лиддел Гарт: «Гитлер постоянно думал об уничтожении Советской России. И его идея была не просто соображением целесообразности в достижении честолюбивых замыслов: антибольшевизм был его самым глубоким эмоциональным убеждением». И этот же автор далее продолжал: «Поставленный в тупик тем, что англичане, казалось, не осознавали безнадежности своего положения, Гитлер связывал это с позицией России. В течение ряда месяцев он неоднократно повторял Йодлю и другим, что Англия, вероятно, надеется на русское вмешательство, так как в противном случае она бы капитулировала, и, должно быть, уже существует какое-то секретное соглашение. По его мнению, поездка Криппса в Москву и его беседы со Сталиным подтверждали это подозрение. Германия должна быстро нанести удар, или ее задушат. Гитлер не мог понять, что русские, подобно ему, опасались агрессии, агрессии с его стороны» [11].

Впрочем, предположения А. Осокина выглядят уж слишком экзотическими. Куда ему до таких матерых сочинителей, как В. Суворов (Резун) или И. Бунич, которые предпочли более проверенный путь. Почти совсем не смущаясь поразительного сходства своей версии с пропа-

гандистскими заявлениями вождей Третьего рейха, эти мастера скандалов и сенсаций объясняли неготовность Красной Армии к обороне в 1941 году ее усиленной подготовкой к нападению на Германию [12].

Можно было бы позавидовать смелости мышления этих авторов, но не их логике и объективности. Ведь смысл их идей, по сути дела, состоит в том, что наши предки плохо воевали против Германии и ее союзников в начале войны, потому что... слишком хорошо к ней подготовились.

Оказывается, еще нужно кому-то объяснять, что оборонительные и наступательные действия во время подвижной, маневренной войны с использованием значительного числа моторизованных (механизированных) сил, каковой преимущественно она была, имеют между собой много общего, органично дополняя друг друга. Да и в любой продолжительной войне со сколько-нибудь сильным противником не обойтись как без обороны, так и без наступлений [13]. Поэтому, готовясь к тем же наступательным военным операциям, даже при пренебрежении к чисто оборонительным действиям, любое государство и его армия будут неизбежно в значительной степени подготовлены и к ним, пусть даже и несколько хуже. Однако разве могло такое быть вообще, чтобы руководители какого-нибудь государства и его вооруженных сил готовились бы только к наступательным действиям, а о значении обороны в войне могли совсем забыть?

Здесь уже не приходится говорить о том, что сколько-нибудь серьезных доказательств своих версий никто из этих авторов не приводит. Не считать же таковыми их же собственные, практически ни на чем не основанные предположения. Говоря точнее, главные тезисы своих сочинений они подтверждают в основном своими же суждениями либо цитатами из разномастных источников, имеющими отдаленное или косвенное отношение к делу, примерно в таком духе: «Маркс и Энгельс предрекали», «Ленин завещал», «Сталин хотел», «Жуков предлагал», «подготовка к нападению велась скрытно». Им осталось, по-видимому, еще только в виде последнего аргумента заявить о том, что всю подлинную правду о начале войны им поведал дух Сталина на спиритическом сеансе или некий знакомый оракул проник в эти тайны в своем вещем сне.

А если поверить в уникальную интуицию или ясновидение этих сочинителей, то получается, что советские политические лидеры и военачальники были настоящими чудотворцами, ведь никаких материальных следов приписываемой им подготовки к нападению на Германию так никто и не нашел. Зато оборонительные сооружения так называемых линий Сталина и Молотова до сих пор остались, хотя бы в виде развалин, как и сохранились различные письменные приказы и директивы, свидетельствующие о явных намерениях военно-политического руководства СССР избежать войны с Германией (например, о том, чтобы не поддаваться на возможные провокации на границе с этой страной, с которых может начаться война). Самое же главное, что все эти как бы сенсационные догадки столь смелых в своей прозорливости авторов явно противоречат как указанным, так и практически всем остальным общеизвестным фактам начала войны.

Более того, Красная Армия накануне войны была, скорее, лучше готова к оборонительным действиям, нежели к наступательным. Не случайно немецкий генерал Э. фон Бутлар в своих мемуарах писал о том, что «войска и командный состав русских в начале войны действовали гораздо лучше в обороне» [14]. Между тем опыт начавшихся военных кампаний в Европе свидетельствовал, что победу приносит активная наступательная тактика. И это было с большим успехом доказано в их сражениях как раз таки немецкими войсками.

Как же было не беспокоиться советскому военно-политическому руководству накануне надвигавшейся войны о наступательных возможностях Красной Армии, ведь оно, вероятно, хорошо знало об оборонительном в ней уклоне?! Кроме того, всякое адекватное правительство должно внушать своей армии непоколебимую уверенность в собственных силах, готовность

разгромить любого вероятного противника в возможной войне. Отсюда и бодрые заявления советских руководителей того времени о большой мощи Красной Армии и Советского Союза или о том, что победа приходит в наступлении, а врага надо бить на его земле. Но разве это доказывает их агрессивные намерения или тем более подготовку к военному нападению на столь сильную державу, какой тогда была Германия, опиравшаяся на мощь большей части зарубежной Европы? Неужели им надо было готовить бойцов и командиров только к тому, чтобы защищаться, и заявлять, что Германию и ее союзников победить будет неимоверно трудно?! Чтобы, не дай бог, какой-нибудь непочтительный потомок не упрекнул их потом в агрессивных намерениях, – так, что ли?

Как уже отмечено, все эти фантазеры в своих обвинениях отнюдь не оригинальны. И можно вполне согласиться с М.А. Гареевым, который справедливо писал о том, что версию «о якобы готовившемся советском упреждающем ударе в 1941 г.» для оправдания германской агрессии придумали Гитлер и Геббельс. Ни Резун, ни Данилов или Соколов, ни другие позднейшие ее приверженцы ничего нового к ней не добавили, а только пересказывают на разные лады все ту же старую гитлеровскую сказку. Она, по сути, равноценна лжи о нападении поляков на немецкую радиостанцию 31 августа 1939 г.

Ни один историк, исследовавший события 1941 г., ни одного доказательства, подтверждавшего бы гитлеровскую версию, не привел и не может привести. Ссылаются обычно на высказывания руководителей СССР о мировой революции, расширении сферы социализма. Выдается за агрессивные намерения и все, что делалось в нашей стране для укрепления обороны. А то, что пишут и говорят Резун и его единомышленники, сплошь построено на фальсификации исторических фактов, искажении смысла отдельных высказываний в расчете на неосведомленных людей» [15].

Еще одна не лишенная любопытства мысль того же В. Суворова состоит, по сути, в том, что, оказывается, у Красной Армии боевая техника и вооружение тогда были особенные, словно заколдованные, которые хорошо бьют врага при наступлении, а при обороне, даже подвижной, которую, кстати, наши войска вынуждены были чаще всего вести в 1941 году, они уже как бы и не оружие. Чудеса, да и только! Особенно его восхищают армады советских легких танков, которые будто бы были сугубо наступательной боевой техникой. Ну а контратаку как вид обороны, отвлекающие контрудары при обороне, ликвидацию прорывов противника, разведку боем, устройство засад, для осуществления которых как раз очень были бы полезны эти самые танки, он не считает нужным принимать во внимание. Немаловажно здесь вспомнить еще и то, что эти столь обожаемые им боевые машины, даже скоростные танки серии БТ, так и не стали в войне по-настоящему грозной силой: ни в обороне, ни в наступлении, ни во встречных боях. А сами эти «танки-агрессоры» сняли с производства еще до начала войны – в 1940 году. В то же время, вопреки его домыслам, никто их после нападения врага преднамеренно не бросал, и они использовались, пока это было возможно, в боях 1941—1942 годов, которые, кстати, были в основном оборонительными [16].

Наконец, для любой сильной державы оборона в войне может быть только временной целью, которая рано или поздно должна смениться целью наступления и разгрома врага, для чего без танков, во всяком случае в рассматриваемую эпоху, обойтись было уж точно никак нельзя. Потому и старалось советское военно-политическое руководство наращивать их выпуск перед войной, как и другой военной техники и вооружения, кстати, тоже.

В свою очередь, близкий по идеям указанным ниспровергателям М. Солонин удивляет еще и тем, что основную причину поражений Красной Армии в 1941 году он видит в нежелании большинства ее бойцов и командиров воевать в это время за советскую власть и лично товарища Сталина. Дескать, Красная Армия скреплялась террором большевиков, и стоило только им под ударами немцев запаниковать, как ее воины, будто бы дружно ненавидевшие советский режим, стали сдаваться и разбегаться. Выражаясь словами этого мудреца, она развалилась, как

бочка, с которой сбили обручи. И вообще, по М. Солонину, получается, что чуть ли не весь ход войны зависел от колебаний страха и ненависти в душах воинов Красной Армии [17].

Как же это он забыл мнение своих собратьев по перу (например, Б. Соколова) о том, что советский вождь и его полководцы, не умея хорошо управлять войсками, но имея (якобы) большое преимущество в людских ресурсах, «солдатскими телами преградили путь немцам» и «трупам их завалили»?! Получается ведь тогда совсем наоборот: воины Красной Армии не просто желали воевать, а считали за доблесть умереть «за Родину, за Сталина». Или во всяком случае выходит, что «сталинская номенклатура» своей, так сказать, крепкой хватки отнюдь не ослабляла.

Как будто бы технологией создания зомби или биороботов советские власти не владели, не так ли? И даже телевизионного «зомбирования» тогда не существовало. Так что, хотя и погибших в боях с врагом было на самом деле в несколько раз меньше, чем пытается представить указанный и некоторые подобные ему сочинители, дрались насмерть в трагические дни лета 1941 года миллионы реальных, вполне одушевленных советских воинов, которыми «заваливать врага» как неким биоматериалом никто бы не смог, даже если бы на самом деле этого захотел. В конце концов, разве М. Солонин не знает, что именно наши бойцы и командиры, а не какие-нибудь привидения или инопланетяне задержали тогда немцев на пути к Ленинграду, Киеву и Москве, героически сражаясь с врагом под Смоленском, Одессой, Великими Луками, Таллином, Могилевом и другими городами нашей страны?!

Конечно, в 1941 году в плен сдалось действительно много советских солдат и офицеров, но делали это они все же, как правило, вынужденно, попав в окружение, утратив возможность организованно сопротивляться. И только, пожалуй, территориальные корпуса прибалтийских республик, да и то не в полном составе, сдавали свои позиции врагу без боя. Да еще на фронте Д. Павлова была допущена потеря управления войсками, сопровождавшаяся паникой в некоторых соединениях. В любом случае булшая часть Красной Армии в 1941 году продолжала вести упорную борьбу с захватчиками, а не капитулировала, как это в 1939 году весьма скоро-течно сделали поляки, а в 1940 году – французы и иже с ними.

Вообще, непросто реагировать на сочинения такого рода авторов при всей, казалось бы, надуманности и противоречивости представленных в них идей и слабости их доказательств. С одной стороны, можно было бы относиться к ним как к занимательному чтиву. Создают же некоторые любители сенсаций труды о том, что у нацистов были секретные базы в Антарктиде, на которых скрылись после войны А. Гитлер и другие крупные нацистские деятели, или, например, о их летающих тарелках или подводных суперлодках, которые в отдельных отношениях намного превосходят известные образцы самой совершенной техники. Разве это не любопытно? И, кстати, всякого рода доводов в подтверждение своих «открытий» они находят ничуть не меньше, чем это делают В. Суворов, И. Бунич, Б. Соколов, М. Солонин и им подобные. Однако фантазии последних являются не столь безобидными.

Можно и совсем не обращать внимание на их экстравагантные выдумки. Зачем, спрашивается, надо доказывать, что белое не есть черное, а тот же Сталин, к примеру, «не верблюд» и даже не монстр, а хоть, может быть, и излишне безжалостный, но все же человек, научно выражаясь, «Homo Sapience»?

Людам в здравом уме и твердой памяти, которых все-таки в нашей стране подавляющее большинство, и без того хорошо известно и понятно, что не СССР, а Германия развязала войну в 1941 году, совершив военное нападение на нашу страну, причем вероломно, неспровоцированно и выбрав неожиданный момент, что не СССР, а Германия при поддержке своих союзников одерживала победы в сражениях начального периода войны, подтверждая свое явное превосходство в силах и средствах в этот период, что не Германия, а СССР уже вместе со своими союзниками был в итоге победителем в этой войне, что чем сильнее и более жесток враг, тем больше в ней жертв, что, не разгромив врага в большинстве основных сражений, не нанеся ему

критические по масштабам безвозвратные потери, то есть не уничтожив, не покалечив и не пленив большую часть его солдат и офицеров, не выведя у него из строя такую же часть его техники и оружия, в войне подобного типа не победишь. Понятно здравомыслящему человеку и то, почему появляются такого рода опусы: в них находят свое одновременное выражение тщеславие, месть и другие негативные чувства и желания одних, политические и идеологические ценности и задачи других и коммерческие интересы третьих.

Однако мы видим, что подобные сочинения маскируются под исследования обильным цитированием и ссылками на исторические труды и иные источники, частым обращением к различным числовым данным о силах и средствах противоборствующих сторон и другой фактической информации, демонстрацией их анализа и сопоставления. К ним апеллируют в своих трудах немалое число историков и ученых-гуманитариев, их суждения появляются и в учебной литературе.

Подобно компьютерным вирусам, деструктивные идеи этих псевдоисследователей проникают в умы доверчивых людей, внося в них сумятицу и неразбериху. В результате получается, что немало наших соотечественников, в том числе вроде бы достаточно образованных и неполитизированных, начинают путаться даже, казалось бы, в очевидных обстоятельствах этой войны. Что уже говорить о разных недругах нашей страны или, к примеру, лицах, все еще озабоченных антикоммунизмом либо так до сих пор и не избавившихся от сталинофобии, ибо указанные авторы еще больше укрепляют их в своих страстях.

Даже некоторые профессиональные историки попали под их влияние. К примеру, М. Мельтюхов, пытаясь в свое время научно (если это можно так назвать) обосновать гипотезу о подготовке советскими властями в 1941 году «упреждающего удара» по Германии, сделал в своей книге более полутора тысяч обращений к различным источникам. Но, приложив столь титанические усилия, так и не смог привести хотя бы одного прямого, непосредственного и действительно важного доказательства реального наличия такой подготовки [18]. Впрочем, его старания были не напрасны: во-первых, он тем самым успешно доказал ничтожность этой версии, во-вторых, в очередной раз преподавал всем методологический урок, удачно продемонстрировав, что коллекционирование цитат и иных ссылок на источники – отнюдь не самое важное в науке; в-третьих, приведенная в его книге обширная подборка различных сведений может вполне пригодиться другим исследователям, которые сумеют найти им более достойное применение.

Итак, если внимательно рассмотреть содержание указанных «теорий», становится хорошо заметным, что в них бесспорные и действительно важные факты заменяются спорными и второстепенными, а порой и откровенными домыслами, логика – софистскими уловками, произвольными построениями понятий и суждений и не следующими из основных фактов выводами. Не брезгают некоторые из подобных авторов и подменой понятий. Например, когда обвиняют СССР в агрессивных приготовлениях, подготовку к надвигавшейся войне, которая велась то время в стране, считают подготовкой именно к нападению или «упреждающему удару», а высказывания советских руководителей о важном значении наступательных операций в современной войне признают доказательством их агрессивных планов.

Тем не менее полемика с указанными авторами является в основном бессмысленной и бесполезной, а дискуссия с ними невозможна в принципе, поскольку истина им, судя по характеру их идей и доказательств, как говорится, и даром не нужна. Лучшей реакцией на их явно тенденциозные сочинения будет объективное исследование событий этой войны, ее причин и результатов, что и будет дальше сделано. Прямая же полемика с ними является лишь крайним средством отстаивания истины. Тем более что уже многие исследователи (М. Гареев, А. Исаев, Г. Городецкий, В. Веселов и др.) смогли набраться терпения для подробного разбора в своих публикациях многочисленных искажений фактов и ошибок, допущенных В. Суворовым и ему подобными. Пока же достаточно того, что автор этих строк обнажил суть основных идей этих

сочинителей, не впускаясь в дебри их частных рассуждений и тенденциозно подобранных фактов, а чаще фактиков, стараясь тем самым показать всю их абсурдность и смехотворность.

Извинившись перед читателями за довольно затяжной разбор столь, мягко говоря, странных версий причин неудач Красной Армии в 1941 году, поскольку, вероятно, они того не стоили, автор может возвратиться теперь к рассмотрению идей более серьезных исследователей. Вряд ли можно ошибиться, сказав, что подавляющее большинство из них в определении этих причин объединяет мнение о решающем значении фактора внезапности нападения германских войск и тесно связанных с ним факторов заблаговременности их укомплектования, сосредоточения и развертывания и оперативно-тактической неготовности наших войск к отражению агрессии. Причем большинство авторов различных трудов называет этот фактор если не главным, то, по крайней мере, одним из самых важных. Рассуждают же о его значении примерно так: Красная Армия накануне войны по своим боевым возможностям была равна или почти равна немецко-фашистским войскам, но вследствие внезапного нападения врага, который застал наши войска врасплох, ее передовые части были быстро и легко им разгромлены. В результате этого противник сразу же прочно овладел стратегической инициативой, постоянно навязывая Красной Армии свой сценарий действий, получил большое преимущество в численности войск и техники и дезорганизовал нашу оборону. Что ж, такие рассуждения представляются в значительной мере обоснованными.

Трудно оспаривать важность и большинства других из называемых разными авторами причин наших неудач 1941 года, которые перечислены в начале этой главы, но ограничивается ли ими дело и какие из указанных обстоятельств имели приоритетное значение? И так ли уж важна была эта самая внезапность нападения Германии спустя, например, 3—4 месяца после начала войны? А как быть с повсеместными утверждениями о том, что Красная Армия к началу войны имела огромное преимущество над войсками противника в числе танков и самолетов, при том, что в других силах и средствах перевес за войсками врага был незначительным? Ведь тогда вроде бы выходит, что немцы даже вместе со своими союзниками имели не больше сил и все равно били советские войска в 1941 году, как говорится, почему зря? Тогда почему вдруг зимой 1941—1942 годов бить стали мы их, причем не только под Москвой, о чем чаще всего вспоминают, но и под Тихвином, Ростовом-на-Дону, Ельцом, хотя перевес в числе танков и самолетов был, по преобладающему мнению, уже на их стороне? Или в самом деле мороз только немцев морозил? И почему СССР, несмотря на то, что якобы у него были такие плохие политические и военные руководители, солдаты и офицеры, а у немцев, как утверждают многие, они были такими хорошими, опять-таки войну в итоге все же выиграл?

Эти вопросы, конечно, непросты для установления по ним безусловной истины, но все же их значение и сложность являются неодинаковыми. При этом часть из них представляются особенно важными и сложными, поэтому автор подробно их будет рассматривать в следующих главах. В тех же из них, которые можно оценить как более очевидные и менее важные, автор постарается кратко разобраться сразу же.

Так, достаточно очевидной для понимания представляется роль в советских неудачах 1941 года таких упоминаемых многими авторами факторов, как довоенные политические репрессии командных кадров Красной Армии, политическая неустойчивость ее личного состава и обилие в ней «мешавших» в управлении войсками комиссаров, политруков и особистов. Если, конечно, не поддаваться при этом идеологическим и политическим искушениям искать повод для очередного осуждения СССР, большевиков и Сталина.

Как известно, довоенные массовые репрессии имели место в армии в основном в 1937—1938 годах, но масштабы их, вопреки традиционным резким обвинениям радикальных антисталинистов, на самом деле были сравнительно невелики: вряд ли в общей сложности более 30—35 тыс. уволенных по политическим и иным мотивам командиров и начальников. Эта кампания вряд ли была такой уж грандиозной, если еще учесть, что в армии практически все-

гда немало выбывает офицеров по самым разным причинам. Причем только часть из уволенных тогда военных кадров подверглась уголовному преследованию [19], а в 1939—1941 годах немалое число репрессированных было восстановлено в Вооруженных силах СССР (до 13 тыс.) [20]. Очевидно, что по сравнению с общей численностью нашего офицерского корпуса, которая в июне 1941 года составляла до 600 тыс. человек [21], эта убыль не могла быть существенной, ибо она не превышала 3—4 % от этого числа. К тому же за несколько прошедших после основного вала репрессий лет подавляющее большинство уволенных давно уже было заменено новыми кадрами. Кроме того, в число репрессированных входило немало политических работников, которых вообще было нетрудно заменить партийными кадрами.

Нельзя исключить и то, что репрессированных по политическим мотивам было еще меньше, чем традиционно об этом говорилось и говорится. К примеру, Н. Ефимов пишет следующее: «Сохранился отчет замнаркома обороны Е. Щаденко: в 1937 году уволено из армии по различным причинам, включая растраты, пьянство, инвалидность и т.п., 18 658 чел. (13,1 процента), в 1938 году – 16 362 чел. (9,2 процента). Почти треть из них – 9506 чел. – были арестованы, 11 178 человек уволенных были позднее восстановлены в армии». Правда, этот автор считает, ссылаясь на Г. Жукова, что эти репрессии серьезно ослабили Красную Армию. Тем ценнее становится его фактическое признание сравнительно небольших их масштабов по сравнению с численностью офицерского состава в июне 1941 года [22].

Вместе с тем следует обратить внимание и на такое обстоятельство, как слишком большие офицерские штаты в Красной Армии по сравнению с другими европейскими армиями. Так, Г.И. Герасимов вполне обоснованно отмечает, что «... если бы доля начсостава в РККА была на уровне немецкой армии, польской или любой другой европейской армии, то в ней, несмотря на огромный некомплект по действующим штатам, существовал бы переизбыток офицеров» [23].

Можно сколько угодно предполагать, что репрессии в армии «сковали страхом» деятельность ее командного состава и подавили всякую его инициативу, но никакие прежние испытания застенками, избиениями и запугиванием не помешали будущему маршалу К. Рокоссовскому с первых же дней войны успешно командовать корпусом, проявляя при этом твердость и решительность. Надо ли еще вспоминать, что во время войны он стал одним из лучших наших военачальников? Были успешными в военные годы действия и ряда других военачальников, подвергшихся репрессиям в предвоенные годы, например С. Богданова, А. Горбатова, В. Цветаева, К. Трубникова, К. Галицкого, которые доросли до командующих армиями и заместителей командующих фронтами. А разве можно забыть смелые действия другого некогда репрессированного командира корпуса, Л. Петровского, который погиб в первые недели войны, с честью выполнив свой долг перед Родиной!?

Так почему же были безынициативными командующий Западным фронтом Д. Павлов и большинство подчиненных ему генералов, которых никто до войны не репрессировал, причем даже в условиях, когда была прервана связь штаба фронта с Генштабом, не говоря уж о политическом руководстве СССР? Как же И. Сталин, С. Тимошенко или Г. Жуков могли им помешать проявить ее? И разве допущение разгрома вверенных им войск вследствие своей безынициативности является меньшим злом, нежели проявление инициативы для организации отпора врагу, если бы даже это не принесло необходимого результата? В конце концов, какой страх помешал Д. Павлову, В. Климовских и другим генералам Западного военного округа временно отработать во вверенных им войсках порядок действий военнослужащих по выходу и сбору по тревоге и подготовиться к возможному внезапному нападению вероятного противника в других отношениях? Неужели И. Сталин или С. Тимошенко не позволяли этого делать? Почему же тогда ни на одном из других наших фронтов в первые дни войны, как, разумеется, и впоследствии, не было такого легкого и быстрого разгрома советских войск? Хотя, возможно, автор этих строк все же не совсем прав насчет этой самой инициативы, ибо одну из ее разно-

видностей репрессии все же, вероятно, несколько смогли подавить: инициативу быстрой сдачи в плен наших генералов, которую так активно годом ранее проявляли французские генералы.

Отсюда вывод может быть вполне однозначным: политические репрессии 1937—1938 годов в отношении военных кадров (как и тем более других предвоенных лет) не оказали существенного негативного влияния на обороноспособность СССР и силу Красной Армии. Скорее наоборот, как бы это ни казалось циничным, они способствовали ее внутреннему укреплению, предотвратили вполне вероятное – на что так надеялся А. Гитлер со товарищи – массовое морально-политическое разложение командных кадров после первых же крупных поражений. В то же время сказанное не означает, что репрессии в армии 1937—1938 годов следует полностью оправдать, но это уже другой вопрос, скорее правовой и нравственный по своей сути. Нельзя сбрасывать со счетов и некоторые негативные идеологические и политические аспекты этих репрессий.

И все-таки кадровый «голод» в РККА накануне войны был, выражаясь прежде всего в недостаточной опытности ее офицеров и, самое главное, в слабой технической подготовке большинства категорий военнослужащих. Вот только объяснялись эти проблемы в основном очень быстрым увеличением численности войск, за которым не поспевала подготовка командиров и специалистов и приобретение ими необходимого опыта.

Если же говорить о потерях и текучке офицерского состава в нашей армии до войны, то они были поистине перманентными: в Гражданской войне, борьбе с бандитизмом и локальных войнах, в результате массовой эмиграции кадровых офицеров после революции и Гражданской войны, вследствие массовых сокращений и чисток (чаще всего, кстати, вынужденных и оправданных экономическими, политическими и иными обстоятельствами), происходивших в 20—30-е годы, включая и упоминавшиеся политические репрессии. В своей совокупности они были действительно велики, и в целом, конечно, сыграли определенную негативную роль. Она выражалась прежде всего в том, что слишком большая и скорая убыль офицерского состава затрудняла передачу опыта новым кадрам. Небезынтересно в этой связи взглянуть на некоторые статистические данные: с 1921 года до 1925 года Красная Армия сократилась с 4110 тыс. чел. до 562 тыс. чел., зато с 1938 года до начала 1941 года выросла с 1513 тыс. чел. до 4207 тыс. чел. [24].

Тем не менее установить сколько-нибудь точно меру негативного влияния фактора кадровой нестабильности на состояние Красной Армии в 1941 году не представляется возможным. Можно только сказать, что он явно не входил в число решающих. Хотя бы уж потому, что и в вермахте большую часть офицеров среднего и младшего звена тоже составляли малоопытные кадры. Да и как могло быть иначе, если он стал создаваться практически заново лишь в 1935 году?

При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов сильное отставание СССР от Германии в подготовке офицеров-летчиков, танкистов, связистов и других «технарей». Пристальное внимание на это совсем недавно обратил, к примеру, известный исследователь Р. Иринархов, который, в частности, о кадровых проблемах Красной Армии, имевшихся накануне войны, написал следующее: «Во всех дивизиях и частях автобронетанковых войск ощущался острый недостаток командных и технических кадров, особенно на должностях командиров батальонов, рот и взводов». Некомплект командиров и специалистов в них, по его данным, достигал 50 % и более. Сходные показатели нехватки кадров он приводит и по другим родам войск [25].

Однако причины этого отставания были связаны не с репрессиями, а с отсталостью России по сравнению с Германией в сферах науки и техники, а также образования, которая сложилась еще как минимум в XIX веке и не могла быть преодолена за считанные годы, несмотря на немалые успехи СССР в социально-экономическом и культурном строительстве, достигнутые в годы первых пятилеток (далее об этом будет сказано подробнее). Проблемность этой ситуации, как уже сказано, сильно усугублял слишком быстрый рост численности Красной Армии.

Танков и самолетов успели произвести сравнительно много, людей в войска тоже вроде бы набрали немало, а достаточное количество настоящих специалистов и опытных командиров взять было неоткуда. Очевидно, что произвести несколько тысяч танков и самолетов на конвейере можно гораздо быстрее, чем подготовить многие сотни тысяч военных профессионалов, необходимых тогда нашей армии.

Многие авторы, правда, указывают, что от этих репрессий пало большинство наших маршалов, командармов и других лиц высшего начальствующего состава, а именно в их знаниях и опыте и заключена чуть ли не вся главная сила армии. Как любят по этому поводу выражаться отдельные историки, политики и публицисты, армия тогда была «обезглавлена». Однако трудно согласиться с такой трактовкой этих трагических событий, поскольку на место репрессированных командиров пришли не колхозные бригадиры или партийные секретари, а другие военнослужащие из числа высшего и старшего начальствующего состава, у которых было достаточно времени до войны (примерно 3—4 года), чтобы восполнить недостающий опыт управления войсками в мирных условиях. А боевого опыта управления ими в современной войне не было и у репрессированных. Почему нужно верить в то, что М. Тухачевский, А. Егоров, В. Блюхер, И. Уборевич, И. Якир, А. Корк, И. Вацетис, И. Федько, И. Белов или кто-то еще из репрессированных военачальников командовали бы войсками лучше, чем С. Тимошенко, Г. Жуков, К. Ворошилов, С. Буденный, Б. Шапошников и другие наши руководители армии в 1941 году? Здесь, как говорится, бабушка надвое сказала: может быть, они командовали бы лучше, а может быть, хуже. Скорее даже хуже, поскольку нет полной уверенности в безусловной преданности репрессированных Советскому Союзу и их морально-политической устойчивости в отличие от близких Сталину кадров. Во всяком случае, происхождение и биографии многих из числа наиболее видных репрессированных военачальников дают основания для определенного сомнения на этот счет.

Очевидно также и то, что лучшими командующими фронтами в годы войны стали преимущественно те маршалы и генералы, которые до войны занимали скромные должности: К. Рокоссовский, А. Василевский, Р. Малиновский, И. Черняховский, Л. Говоров. Напротив, командующие военными округами накануне войны за редкими исключениями не проявили себя в качестве хороших командующих фронтами, а Д. Павлов вообще показал себя совершенно неспособным к управлению фронтом (если, конечно, в его действиях и бездействии не было завуалированного предательства).

По поводу политической и моральной неустойчивости войск сказать достаточно определенно еще труднее. Конечно, в какой-то мере эта неустойчивость была, и советской властью и лично товарищем Сталиным в войсках далеко не все были довольны, особенно те, кто имел пострадавших от этой самой власти родственников, а кому-то вообще было наплевать, какой стране служить и при каком строе жить. Однако одно дело не любить Сталина, а другое – нарушить присягу, перейти на сторону врага, предать своих товарищей, обесчестить себя перед Родиной, товарищами и родственниками, рискуя понести суровую ответственность за предательство, дезертирство или трусость, опозорить и «подставить под удар» своих близких.

В любом случае установить сколько-нибудь точно распространенность политических и моральных колебаний среди бойцов и командиров или степень влияния этих колебаний на их поведение в окружении или в других трудных боевых ситуациях не представляется возможным по причине нематериальности и принципиальной неизмеримости этих явлений. Вместе с тем достаточно уверенно можно предположить, что среди причин сдачи в плен, оставления позиций без приказа, дезертирства и перехода на сторону врага политическая неустойчивость не имела в большинстве случаев решающего значения. Трусили и предавали чаще всего из элементарного страха за свою жизнь и растерянности, неверия в победу Красной Армии и обиды за то, что Родина их бросила на произвол судьбы, или же потому, что, оставаясь часто без управления и морально-политической поддержки, особенно в первые дни войны, переставали

видеть смысл в продолжении сопротивления в трудных условиях неравного боя, отхода или окружения.

Это потом уже многие, чтобы оправдаться в глазах своих знакомых и родных, а главное – в своих собственных, могли подводить под проявленную слабость, а то и подлость идейную базу. Мол, не предал и не струсил, а пошел бороться против проклятой советской власти и тирана Сталина или «клятых москалей». В науке психологии это глубинное, вполне естественное, хотя и не самое лучшее свойство человеческой натуры рационального и благоприятного для себя объяснения мотивов своего поведения достаточно хорошо изучено, и его принято называть мотивировкой [26]. Кроме того, именно такого поведения чаще всего от них и ждали немцы, да и не только немцы, как и ждут некоторые до сих пор его от наших соотечественников. Для противников нашей страны подобные типы – вовсе не предатели, а, наоборот, свои люди, лица, «выбравшие свободу».

Отсюда вытекает то, что морально-политическая поддержка бойцам и командирам, которую призваны были оказывать комиссары и политруки, а особенно их влияние на командно-начальствующий состав, должны были способствовать большей устойчивости войск. Тем не менее даже сама необходимость присутствия в то время в Красной Армии политических руководителей вызывает в последние годы много споров. При этом дело порой доходит до рассуждений о том, что они будто бы мешали военачальникам и командирам хорошо управлять войсками.

Так, бытует мнение, что комиссары и другие политические руководители в войсках не позволяли им проявлять разумную инициативу. Нельзя, конечно, исключить, что в реальности такие случаи могли происходить, но были ли они типичными? На самом деле, даже единичных конкретных и убедительных свидетельств о таких помехах с их стороны найти весьма непросто. Тем более что чаще всего определить, какая инициатива разумна, а какая нет, легко можно только после известного результата событий. В то же время само наличие в войсках комиссаров, политруков и особистов давало военачальникам повод для самооправдания в случае неудачных действий подчиненных им войск: дескать, потерпел поражение не потому, что сам плохо ими управлял, а потому что ничего не смыслящий в военном деле комиссар-надсмотрщик мешал.

Но неужели советское военно-политическое руководство, как и руководство ряда других стран, было столь неразумно, держа в войсках якобы ненужных или даже мешавших делу политических руководителей? И разве только одной ненавистью к большевизму можно объяснить приказы немецкого военного командования о поголовном истреблении захваченных в плен комиссаров и политруков?

Функции политических руководителей в РККА были довольно широкими. Они выполняли не только политическую и воспитательную работу, в чем их позитивное значение должно было быть, естественно, особенно важным. Согласно Положению о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года, комиссары, как, кстати, и члены военных советов, несли ответственность за действия войск наравне с военачальниками и командирами. И это, безусловно, помогало недостаточно уверенным в себе по своему характеру и опыту из них свое временно принимать необходимые управленческие решения. Кроме того, инноведомственный контроль, который в Красной Армии в то время фактически осуществляли комиссары и особисты, неизбежно дисциплинирует контролируемых, меньше оставляя им возможности для безнаказанных нарушений дисциплины и порядка, халатности, а тем более предательства. Может быть, как раз потому их так ругали отдельные слишком любившие «самостоятельность» военачальники?

Характерно также и то, что институт военных комиссаров был введен в РККА после того, как во многих ее частях и соединениях произошли многочисленные случаи потери управления

войсками и паника. И, по-видимому, не случайно, что после этого степень управляемости войсками явно повысилась, а борьба со врагом стала более организованной и упорной. Во всяком случае, в дальнейшем Красная Армия больше не терпела таких катастрофических поражений, которое ранее потерпел фронт Д. Павлова, легко рухнувший в первые же дни войны. Короче, в контексте событий лета 1941 года эта мера была вполне разумной, принесшей больше пользы, чем вреда. В любом случае считать присутствие в войсках комиссаров и других политических руководителей одной из причин наших поражений в 1941 году было бы абсурдным.

Итак, историки и другие исследователи, пытаясь определить причины поражений Красной Армии в начале войны, большинство действительно важных обуславливающих факторов этих неудач в своих трудах так или иначе упоминают. Но если попытаться осмыслить и обобщить все те факторы, которые чаще всего указываются ими в качестве основных причин наших поражений 1941 года, и выделить среди них называемых большинством из них главными, то получается довольно странная и совершенно ненаучная картина. Основная часть отечественных авторов, как, впрочем, и зарубежных тоже, фактически сводит их к субъективным и случайным обстоятельствам. Во-первых, по их мнению, Сталин и другие политические руководители СССР были невежественными и деспотичными, советские маршалы и генералы в большинстве своем – бездарными и некомпетентными, а солдаты и офицеры Красной Армии – плохо обученными и неопытными. И напротив, немецкие генералы были талантливыми и опытными, а их офицеры и солдаты – хорошо обученными и подготовленными. Но иногда все это объясняется еще проще: немецкие генералы и офицеры были умнее, а их солдаты – лучше наших, да еще Сталин мешал нашему военному руководству, а накануне войны истребил почти все лучшие в стране военные кадры. В-третьих, немцы и их союзники сумели заставить врасплох наши войска, нанеся неожиданный и мощный первый удар, от которого Красная Армия и СССР долго не могли оправиться. Разумеется, разные авторы в зависимости от политической конъюнктуры и личных пристрастий придавали и придают неодинаковое значение указанным факторам, но в основном чаще всего ограничиваются этим их стандартным набором. Правда, в советское время почти все отечественные историки так или иначе выделяли в числе важных еще и фактор превосходства в начале войны выдвинутой к нашим границам группировки войск противника в силах и средствах над противостоявшими им нашими войсками, которое было достигнуто вследствие опережения в их мобилизации и развертывании. Но делали это они непоследовательно и ограниченно, неизменно, например, указывая на якобы имевшее место значительное или даже большое превосходство Красной Армии в числе танков и самолетов.

Но можно ли считать правильным подобный субъективистско-казуистический подход?

2. Объективный характер решающих причин неудач Красной Армии в 1941 году и иных событий и итогов войны

Успех в установлении конкретных причин событий и итогов войны невозможен, как полагает автор, без теоретическо-философского обоснования их поиска. Поэтому далее придется посвятить несколько страниц не самым занимательным для многих читателей рассуждениям, но все-таки необходимым.

Итак, понятие истории является многозначным, но в одном из главных своих значений она представляет собой социальную науку, то есть в первую очередь систему знаний о прошлом общества, важных происшедших событиях в жизни стран, государств и народов, закономерностях и особенностях их развития и происходящих в них социальных и иных изменений, причинах (факторах) этих событий и их результатов. И, как всякая социальная наука, история обладает соответствующими характерными признаками, отражающими ее сущностные свойства и отличительные особенности. Представляется, что такими свойствами являются прежде всего объективность, всеобщность, системность и доказательность научного исторического знания, которому соответствует объективный, закономерный и системный в целом характер развития общества и исторического процесса [27]. При этом достоверное, истинное историческое знание есть адекватное отражение событий истории, их причин и результатов, а также правильное понимание их сущности. Оно должно быть также основанным на фактах и доказываться ими.

Вместе с тем в истории объективное проявляет себя через субъективные поступки людей, которые, в свою очередь, обусловлены множеством объективных и субъективных обстоятельств. Поэтому для достижения успеха исторического исследования надо всегда помнить о диалектике исторического процесса.

В философской учебной литературе она понимается следующим образом: «Исторический процесс сам по себе весьма сложен и представляет собой взаимодействие многих объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся природные условия жизни общества, объективные потребности людей в обеспечении необходимых условий их жизни, а также состояние материального производства, существующая социальная структура общества, его государственный строй и т.д., которые каждое поколение застает уже сложившимися и которые в той или иной мере обуславливают жизнедеятельность людей. Субъективные же факторы исторического процесса – это разного рода способности людей своими действиями вносить изменения в те или иные стороны общественной жизни». И далее в этом же учебнике уточняется: «Объективные факторы... заставляют их действовать в определенном направлении, исходя при этом из сложившихся объективных условий, природных и социальных» [28].

Таким образом, то или иное историческое событие, а тем более цепь взаимосвязанных событий (к примеру, сражение, военная кампания, война) есть не только множество взаимосвязанных действий участвовавших в них масс и личностей, но и сложный процесс развития определенных исторически значимых социальных и иных явлений и их взаимодействия. Начало, ход и итог этих событий обусловлены определенными причинами, которые представляют собой совокупность необходимых и достаточных обстоятельств (факторов), породивших их. Решающее значение среди них, как правило, имеют объективные обстоятельства.

При этом объективное в истории следует понимать широко, то есть не только как нечто, обусловленное природными явлениями и процессами, но и общественными (человеческими). Говоря по-другому, многие важнейшие объективные явления в обществе и истории, имеют ту или иную степень субъективного содержания, поскольку обуславливаются прежде всего духовно-психологической сущностью человека и общества, менталитетом народов, поступками исторических личностей прошлого и движением народных масс, например, государственный строй, социальная структура, господствующие типы хозяйствования и т.д. В то же время

эти объективные явления играют определяющую роль в принятии важнейших решений и совершении большинства исторически значимых поступков государственными деятелями и вообще в поведении субъектов исторического процесса.

Исходя из этого, нельзя переоценивать волю тех или иных деятелей истории, а времен полномасштабной войны – тем более, ибо большинство их решающих поступков были довольно жестко детерминированы внешними по отношению к ним, то есть объективными, обстоятельствами и условиями. Хотя, конечно, в ситуациях иного рода, условно говоря, «пассивного общества», «верхушечной политики» их воля, наоборот, может выходить на первый план среди факторов исторического процесса.

Итак, именно в условиях полномасштабной и всеобъемлющей войны, подобной рассматриваемой, повышается значение объективных факторов, и, напротив, значение поступков исторических личностей, даже самых могущественных и выдающихся, снижается. Другое дело, что подобные личности своими волевыми действиями способны достичь максимума возможного в той или иной ситуации, но сами их возможности довольно жестко ограничены сложившимися объективными обстоятельствами.

К примеру, никакие организаторские и иные способности И. Сталина и других советских военных и политических руководителей не помогли им организовать успешное отражение агрессии Германии и ее союзников против нашей страны в 1941 году, поскольку нападавшие значительно превосходили СССР в силах, средствах и ресурсах и использовали факторы первого удара и неожиданности времени своего вторжения. Вместе с тем СССР смог избежать поражение в войне в столь неблагоприятных условиях ее начала, по-видимому, во многом благодаря умелым организаторским действиям своих руководителей. То же самое можно сказать о А. Гитлере и восхваляемых многими генералах вермахта, организаторские и прочие таланты которых не помогли им и Германии с немногими оставшимися у нее к тому времени союзниками в войне против блока явно превосходящих их по своим возможностям государств мира в 1944—1945 годах. Вместе с тем эти их таланты помогали добиваться им немалых политических и военных успехов в 1938—1940 годах, а также в 1942 году, в ситуациях примерно или почти равного соотношения сил противоборствующих сторон.

Кроме того, события истории и их причины надо рассматривать с учетом системных связей, поскольку, как известно, явления нашего мира так или иначе, в той или иной степени взаимосвязаны с огромным количеством иных явлений и взаимообусловлены друг другом, а любое из них, в том числе и общественно-историческое, представляет собой довольно сложный набор взаимодействующих и определенным образом упорядоченных элементов, находящихся в тех или иных отношениях как друг с другом, так и внешними элементами. В свою очередь, каждый из этих элементов также представляет собой определенную систему, как и система, в которую они входят, является элементом иных систем. Разрыв внутренних связей в системе либо их дезорганизация приводят к нарушению ее функционирования, ослаблению или даже распаду этой системы.

К сожалению, многие авторы, пишущие об истории Великой Отечественной войны, часто игнорируют всеобщий системный характер мироустройства, в том числе и общественных явлений, а потому и исторических событий, которые так или иначе складываются из этих явлений. К примеру, в последнее время немалое число из них увлеклись подсчетом количества танков в войсках противоборствующих в войне сторон, на основе чего решаются на далеко идущие выводы. При этом подобные авторы подразумевают то, что танки были самым грозным наступательным средством ведения войны этой эпохи. А раз так, то преимущество той или иной противостоявшей в ней стороны в их количестве, по их логике, было решающим фактором боеспособности ее войск, показателем степени готовности к войне соответствующих государств и даже степени агрессивности их военных планов.

Как такое вообще могло быть, чтобы у Германии вместе с ее союзниками танков якобы к началу войны было в несколько раз меньше, чем у СССР, если их армии вместе взятые были в это время гораздо больше советской, во всяком случае по численности личного состава, при том что Германия явно опережала нашу страну в научно-техническом развитии, а страны Оси в целом – в совокупных промышленных мощностях?! Наверное, все же соотношение танковых сил было далеко не таким, как это порой пытаются представить некоторые авторы, да и значение танков в то время, по-видимому, несколько преувеличено.

Чтобы верно определить место, которое занимали танки в рассматриваемой войне, надо начать с того, что танк – это всего лишь машина, создаваемая и управляемая людьми. Без укомплектованного, должным образом подготовленного экипажа, без необходимого оборудования и снаряжения, обеспечения боеприпасами, ГСМ, другими материалами и своевременного ремонта никакой даже самый совершенный, мощный и грозный танк ничего не сделает, разве что только напугает своим наличием вероятного противника. А может быть, наоборот, соблазнит его на захват этого чуда боевой техники, как порой воров соблазняет на кражу дорогостоящая бойцовая собака, которая по своему назначению должна их, как известно, наоборот, отпугивать. Воюет все-таки не танк, а его экипаж, используя эту боевую машину как средство.

В свою очередь, каждый экипаж со своим танком входит в соответствующее подразделение, которое вместе с другими танковыми, артиллерийскими, пехотными и иными подразделениями образует воинские части и соединения, сражающиеся при поддержке авиации и других родов войск. А эти подразделения, части, соединения должны действовать слаженно, для чего необходимо умелое управление ими, невозможное без хорошо развитых технических средств получения и передачи информации. Но и этого недостаточно, ибо нужно организовать сами эти войска, обеспечить их всем необходимым, в том числе и теми же танками, что уже зависит от надлежащего управления государством и обществом, их кадрового потенциала и различных объективных обстоятельств. При этом сражения, как и, разумеется, развитие экономики и инфраструктуры государства, обеспечивающих материально-техническую базу войск, происходят в конкретных условиях места, времени, обстановки и других объективных и субъективных факторов, которые по-разному учитываются сторонами и неодинаково влияют на их поступки и достигаемые результаты.

Таким образом, танки как важнейший вид боевой техники в рассматриваемую эпоху действительно были одним из весьма значимых элементов системы вооруженных сил, но одним из многих, да и вряд ли явно самым важным, поэтому они сами по себе исхода военной кампании решить не могли. Говоря по-другому, возможное преимущество в их количестве той или иной воевавшей стороны было еще совершенно недостаточным для успеха в ней, а тем более в войне в целом. Считать здесь нужно все или, во всяком случае, очень многое, а не только танки или, допустим, самолеты, не забывая при этом и о их качестве. И не только об этом.

Какой же тогда элемент этой системы и всей системы общества был решающим для военных успехов? Простой ответ на этот вопрос, пожалуй, не будет безупречным по своей точности. Но все же в данном случае в целом скорее придется согласиться с советским вождем, который в свое время, как известно, провозгласил, что кадры решают все, правда, говоря о строительстве социализма и технической реконструкции в СССР. Вот также и в войне решающими были человеческие ресурсы, особенно наличие необходимых кадров, системы их подготовки, отбора, ротации, а также развитие в государстве и обществе процессов вертикальной мобильности. Военные, научно-технические, производственно-промышленные и иные кадры и создавали танки, и управляли ими на полях сражений. Как, разумеется, создавали они и прочие многочисленные виды средств ведения войны и воспроизводства социальной системы. Говоря схематично, не танки решали все, а кадры, степень их развития и уровень их подготовки, объективное количество и качество человеческого потенциала в целом.

Если же попытаться здесь уточнить вопрос о конкретной роли танков в Великой Отечественной войне, забегая несколько вперед, то можно еще привести справедливое мнение В. Гончарова, который, в частности, отмечал следующее: «Танками можно и должно совершить успешный маневр и дезорганизовать оборону противника, но задача по уничтожению разгромленного врага все равно ляжет на стрелковые части» [29]. К этому можно добавить не менее верные слова другого современного автора, А. Больных, о том, что в военных успехах немцев 1941 года едва ли не самое главное значение имело четкое взаимодействие всех родов войск, среди которых особенно важную роль, помимо танков, играли еще также авиация «поля боя» и подразделения связи [30]. Так что далеко не только от танков, тем более одного лишь их количества, зависел в войне исход боев и сражений, как, впрочем, и от других взятых в отдельности видов техники и вооружения.

Итак, принципиальный подход автора к причинам неудач СССР в 1941 году, а также и к другим причинам каких-либо грандиозных исторических событий и их результатов, в том числе и рассматриваемой войны, состоит в том, что **определяющее значение** среди них имеют **объективные факторы** (в широком смысле этого понятия), то есть не сводящиеся к поведению отдельных действующих лиц и не зависящие от нашего их восприятия и понимания. В числе этих объективных факторов особенно следует выделить **очевидные**, бесспорно установленные и **наиболее важные обстоятельства**. В частности, здесь конкретно речь идет о том, кто и как начал войну, чем она закончилась, кто и на чьей стороне принимал в ней участие, каковы были масштабы и ресурсы этих стран, общее соотношение сил и средств их вооруженных сил и т.д.

Кроме того, все эти обстоятельства следует рассматривать **в системе**, в их взаимосвязи, в контексте предшествующих и текущих событий и их результатов. При этом важнейшее значение имели факторы характера и степени организации и управления как в вооруженных силах, так и в государстве и в обществе в целом.

Таким образом, как бы ни было велико значение фактора внезапности нападения Германии, какую бы важную роль ни играли иные быстропреходящие или субъективные обстоятельства, главное значение в любом случае имело соотношение действующих сил и потенциал воюющих стран, а также характер и степень организации общества, государства и армии. В свою очередь, это выражалось прежде всего в **количестве и качестве используемых в войне сил и средств, наличии и степени задействования ресурсов для их пополнения, возможностях по их сосредоточению и маневрированию ими**. А главным мерилom и доказательством величины сил и средств в их количественно-качественном выражении являются **достигнутые результаты**.

Как по силам дерущихся можно чаще всего заранее определить, кто победит, так и по этой победе можно с высокой долей вероятности определить, кто имел больше сил. Разумеется, в отдельном бою и даже в нескольких сражениях победа может быть не всегда на стороне у того, кто имеет больше сил и средств, и у кого они качественнее, благодаря различным субъективным факторам (большему воодушевлению, самоотверженности, хитрости, расчетливости, подготовленности) и преходящим, второстепенным объективным (внезапности, опережению в нанесении первого удара, более удачной дислокации, концентрации, благоприятствующим в определенный момент той или иной стороне природно-климатическим и географическим условиям), а также везению. Однако в длительной, широкомасштабной, тотальной войне, которая ведется на фронте длиной в несколько тысяч километров и состоит из множества больших и малых сражений самого разного характера, отклонения от основных закономерностей постепенно уравнивают друг друга и как бы затухают, сходят на нет.

Другое дело, что измерить это самое соотношение, как правило, бывает очень сложно, тем более по всем позициям, не говоря уже о том, что слишком много, вольно или невольно, в научный оборот было введено сомнительных, а возможно, и ложных источников этих данных,

слишком много в науке и публицистике выступало лиц, которые были заинтересованы не в установлении истины, а в создании определенной выгодной, удобной или приятной для себя картины происшедшего, для чего они активно фактически (хотя и необязательно преднамеренно) занимались подтасовкой и тенденциозной интерпретацией различных данных. Одним нужно было оправдаться в поражениях (бывшим немецким генералам, шовинистически, антикоммунистически либо антирусски настроенным немцам и многим другим европейцам и американцам, в меньшей степени немалому числу и наших маршалов и генералов), другим надо было умалить нашу победу, чтобы нанести удар по славе или авторитету СССР, России и русского народа и потешить национальные и идеологические чувства определенной публики (огромному числу зарубежных и отечественных деятелей с самыми разными идеологическими убеждениями и политической ориентацией), кому-то надо было очернить И. Сталина и его сподвижников (Н. Хрущеву и его выдвигенцам, троцкистам, не говоря уже о потомках репрессированных и антикоммунистах), кому-то надо было ударить по советской державе и советскому строю (финансово-политическим элитам Запада, западным спецслужбам и их многочисленным помощникам, как в нашей стране, так и за рубежом, а также идейным антикоммунистам всех мастей), ну а кому-то очень хотелось возвеличить И. Сталина, Г. Жукова, либо русский народ, партию большевиков, советский строй и т.д. А тактика всех этих заинтересованных авторов, как правило, немудрена: за «деревьями» частных, мелких или сомнительных фактов, всевозможных отвлекающих рассуждений и предположений спрятать «лес» истины или по крайней мере не обращать на него внимание.

Важно также не забывать одну из аксиом традиционной военной мысли, что наступающие войска для гарантированного прорыва подготовленной обороны и закрепления успеха наступления должны иметь, как правило, 2—3-кратное количественно-качественное превосходство в силах и средствах. Нельзя забывать при этом и правило «тришкина кафтана», согласно которому никакое хитромудрое маневрирование войсками не может на длительный срок заткнуть сразу все «дыры», то бишь слабые места в дислокации войск, и восполнить элементарную их нехватку. Поэтому трудно придавать большое значение называемым в качестве решающих причин поражений наших войск в 1941 году субъективным факторам или даже такому фактору, как внезапность немецкого первого удара. Но еще неблагоприятнее соглашаться с теми авторами, кто в числе главных причин наших неудач в начале войны усматривает «блестящие таланты» немецких генералов и их умелое маневрирование войсками. Мол, войск и техники у них в целом было не больше, чем у наших, но они так хорошо планировали операции и так быстро перебрасывали войска на наиболее важные участки фронта, что создавали многократный перевес в силах и средствах на направлениях главных ударов и поэтому почти все время побеждали. Или иногда рассуждают примерно так: вермахт побеждал в 1941 году Красную Армию за счет выбора неожиданных направлений главных ударов.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять несостоятельность таких утверждений. А кто мешал нашим генералам ударить по тем участкам фронта, которые немцы в результате своих маневров оголяли? Неужели опять вездесущий Сталин всюду и всегда успевал навредить, или наши военачальники все такими глупыми были? Да и чем brave немецкие генералы могли стремительно маневрировать, если якобы танков у них было намного меньше, а другие моторизованные средства будто бы не имели действительно важного значения? Разумеется, ответ-то, как ни крути, может быть только один: летом и осенью 1941 года немцы и их союзники имели подавляющее количественно-качественное преимущество в совокупных силах и средствах: прежде всего в численности солдат и их технической подготовке, знаниях и опыте офицеров и генералов, числе транспортных и иных технических средств, качестве боевой и иной техники и оружия, оснащении войск, особенно танков и самолетов радиосвязью и другими техническими приборами и устройствами, обеспечении боеприпасами и снаряжением,

вплоть до лучшего качества питания и обмундирования их войск и лучших транспортных коммуникаций, по которым они их снабжали.

Это и позволяло им создавать на решающих участках фронта необходимую концентрацию войск для прорыва советской обороны, не ослабляя другие его участки.

Но как же тогда зимой 1941 года Красная Армия смогла нанести первые крупные поражения врагу? Ну, во-первых, советские победы тогда еще были весьма скромны по сравнению с немецкими победами предшествующего периода. Во-вторых, к этому времени существенно изменились многие объективные и субъективные обстоятельства войны, к примеру, снизилась роль фактора технического превосходства фашистских войск. В-третьих, определенную роль могли сыграть на первый взгляд мелкие, субъективные, случайные обстоятельства происшедших событий. Вообще вопрос о причинах провала немецкого блицкрига и первых крупных победах Красной Армии, одержанных ею зимой 1941—1942 годов, требует отдельного внимательного рассмотрения, что и будет сделано далее.

Истинное количественное соотношение используемых сил и средств очень трудно еще определить и потому, что оно складывается из множества составляющих, причем далеко не вполне симметричных. Например, на вооружении советских вооруженных сил в начале войны было больше минометов, зато у немцев – артиллерийских орудий, особенно противотанковых; у нас, как принято обычно считать, было гораздо больше танков, во всяком случае легких типов, а у немцев, без всяких сомнений, – в несколько раз больше автомобилей различного вида и мотоциклов. Что уже говорить о соотношении орудий по их калибру, а тем более танков и самолетов – по их различным боевым и техническим характеристикам. Во многих же трудах о войне их, как правило, сваливают в «общую кучу», хотя разные типы и образцы одних и тех же видов вооружения и техники порой в разы отличались друг от друга по своим боевым и иным возможностям.

Еще более трудно установить соотношение качества этих сил и средств. В любом случае здесь не обойтись без основанных на логических рассуждениях оценок, **базовыми фактами** для которых будут **результаты** боев, сражений, кампаний и войн, с одной стороны, и **численность личного состава** войск, с другой стороны.

Что касается важности последнего показателя, то она определяется тем, что численность личного состава в разных армиях легче и корректнее сравнивать между собой, так как военнослужащие, особенно солдаты, в принципе мало различаются между собой по своему предназначению, да и за немногими исключениями и по своим основным качествам. Если солдат есть в наличии, здоров и невредим, то он примерно так же способен воевать, как и любой другой. Отдельные из них еще могут значительно отличаться друг друга по своим особенностям: росту, физической силе, выносливости, ловкости и т.д. Но в больших массах солдат эти индивидуальные различия обычно почти полностью нивелируются. И то, что солдаты одних стран в целом могут лучше воевать, чем солдаты других стран, обусловлено разницей в их боевой и технической выучке и воинском опыте, а также в организации и дисциплине в войсках. Но опять-таки в условиях тотальной, длительной войны эти различия довольно быстро стираются, становясь, как правило, незначительными.

Совсем другое дело – техника и оружие, особенно сложные их виды и образцы, которые не только могут сильно, порой на порядок, отличаться друг от друга по многим своим техническим и боевым свойствам, но и во многих отношениях непредсказуемое в своей уязвимости, чем люди. Танк вроде бы и есть, но использовать его по своему прямому назначению нельзя, допустим, из-за того, что его не успели вовремя заправить горючим или заменить на нем одну из многочисленных деталей. Солдат без пищи воевать может даже несколько дней, а танк без горючего и боеприпасов не годеи и на минуту. Или, к примеру, у одних есть танк, а у других «развалюха» с израсходованным моторесурсом или недостаточным боезапасом под названием «танк». Но даже, допустим, есть вроде бы вполне исправные и не совсем старые танки, но много

ли они принесут пользы, если на них нет радиостанции, приборы не позволяют вести меткую стрельбу или ориентироваться ночью, в экипаже нет заряжающего или обученного наводчика, снаряды и горючее вовремя не успевают подвозить, и даже при не самых больших повреждениях или поломках нет возможности их оперативно отремонтировать?

До сих пор не ослабевают споры о том, сколько же в Красной Армии было танков накануне войны, а самое главное, какую долю из них составляли устаревшие машины, легкие танки и танкетки, сколько из них было неисправных и в какой степени, сколько не укомплектованных людьми и снаряжением и насколько вполне боеспособные и современные танки соответствовали по своим характеристикам и качеству немецким танкам. Но о чем здесь спорить, если значительные победы немецких войск, их очевидное преимущество в мобильности и пробивной мощи, постоянное рассечение в 1941 году нашей обороны танковыми клиньями врага были вполне очевидными фактами, бесспорно доказывая их большое преимущество в силе танковых войск! Ведь немцы били наших предков тогда не «бумажными» танками, которых у Красной Армии, по преобладающему мнению современных авторов, было гораздо больше, а самими что ни на есть реальными, боеспособными, которых на фронте на самом деле, вероятно, было все-таки больше именно у них в начале войны, не говоря уже о гораздо большей в целом мощи немецких танковых и моторизованных войск! Чему и кому надо больше доверять: фактам происшедших событий и, самое главное, их результатам или «бумаге», то бишь сомнительным источникам и их бездумным или лукавым интерпретаторам, делам или словам?!

Кроме того, нельзя забывать, что оснащение войск техникой и оружием, как правило, в значительной мере пропорционально численности войск с поправкой на экономические и научно-технические возможности страны и использование ресурсов других стран. Чем больше в них людей, тем больше должно быть и бывает на самом деле техники и оружия, чем больше имеется техники и оружия, тем больше направляется для управления ими людей.

Таким образом, если войска одной страны имеют, к примеру, меньше танков, чем приблизительно одинаковые по численности войска другой страны, находящейся на примерно том же уровне развития, значит, они обычно имеют настолько же больше пушек, бронемашин или другой техники и вооружения. А такая несимметричность оснащения войск различными видами техники и вооружения может объясняться не только разными оперативно-тактическими особенностями военного строительства и планирования в той или иной стране с учетом специфики ее научно-технического и экономического развития, но и особенностями боевых и технических характеристик указанных видов оружия и техники и их качества. Поэтому когда многие авторы приводят данные о почти 2-кратном перевесе в численности войск вторжения Германии и ее союзников над советскими силами обороны, но одновременно указывают на 2-кратное, а то и 3—4-кратное преимущество этой группировки РККА в танках, то они тем самым расписываются в отсутствии достоверных источников этих данных. В любом случае советские танковые войска в начале войны по многим показателям были гораздо слабее немецких танковых войск, прежде всего в качественном отношении. При этом танковые войска врага и другие силы вторжения были гораздо лучше оснащены артиллерийскими орудиями, бронемашинами, автомобилями и стрелковым оружием, а также обеспечены боеприпасами, ремонтной и материально-технической базой.

Итак, авторский подход к пониманию причин (факторов) поражений и побед воевавших сторон в тех или иных кампаниях Великой Отечественной войны и в ней в целом основывается на научно-философских исследовательских принципах. Крупномасштабные и продолжительные социально-исторические процессы происходят в целом объективно и закономерно, а общество и его основные элементы представляют собой сложные системные явления (образования). Решающее значение в них имеют объективные и объективно-субъективные (объективные явления, имеющие определенную меру субъективного содержания) факторы. Вместе с тем и собственно субъективные факторы, а именно политическая воля и конкретные поступки

лиц, стоящих во главе этих процессов и систем, находится с ними в диалектическом единстве, приобретая порой решающее значение.

Кроме того, информация о числе сил и средств, использованных сторонами в войне, ввиду затруднительности точного и сопоставимого их учета и подсчета, методологическими и идеологическими проблемами проводимых исследований, должна подвергаться критическому осмыслению и проверкой соответствия их бесспорным, основополагающим фактам, логике и результатам развития событий.

3. Ресурсные возможности СССР и Германии, роль их союзников и других стран к началу войны и в ходе ее

К 22 июня 1941 года Германия и ее союзники имели большое преимущество над СССР, который противостоял им тогда практически в одиночку, и в общих силах и средствах вооруженных сил, и еще больше в силах и средствах сосредоточенной для вторжения своей группировки войск по сравнению с дислоцированной здесь советской войсковой группировкой, а также и в ресурсах для их пополнения. Это фактическое преимущество в силах и средствах противника было как количественным, так и особенно качественным. И такое положение сложилось тогда отнюдь не случайно или всего лишь по произволу отдельных субъектов, а в результате объективно обусловленного хода событий, политических, экономических и иных закономерностей развития стран Европы и отношений между ними.

Однако военное руководство СССР накануне войны самоуверенно преувеличивало силы и потенциал нашей страны, явно недооценивая возможности противника. Инерция этих заблуждений сохранилась и в послевоенное время, в том числе в трудах военных историков и публицистов, как сохраняется она у многих, даже у добросовестных исследователей до сих пор. Впрочем, эти реальные ошибки в оценках соотношения сил сторон довольно трудно отделить от пропагандистских действий советского руководства по поддержанию в Красной Армии высокого боевого духа и уверенности в ее мощи у населения страны. Очевидно, что такого рода пропаганда неизбежно сопряжена с намеренным преувеличением собственных сил и принижением сил противника.

Представляется, что одна из главных причин этой искаженной общей оценки сил сторон состоит в традиционном чрезмерном превознесении роли танков и придании слишком большого значения формальным показателям их производства. После того как в 30-е годы промышленность СССР добилась больших успехов в объемах производства танков, а наши ученые, конструкторы и инженеры – в создании их прогрессивных моделей, и это было подкреплено определенными успехами в конструировании и производстве самолетов и других видов техники и оружия, у руководителей Генштаба и Наркомата обороны, вероятно, возникли идеи военно-технического превосходства над Германией. К этому, скорее всего, добавлялась убежденность в больших ресурсных возможностях СССР, обусловленная восприятием Германии как гораздо меньшей страны, верой в преимущества социализма и надеждой на солидарность трудящихся и силы сопротивления в оккупированных и подчиненных ей странах.

Все это привело к значительным просчетам в планировании и подготовке к войне и методах ее ведения на первоначальном этапе. Отсюда и доминировавшая перед войной, но оказавшаяся в целом несостоятельной в создавшемся положении наступательная стратегия оборонного планирования СССР. Предполагалось, что возможное нападение любого вероятного агрессора будет быстро отражено, после чего его войска должны быть разгромлены решительными наступательными действиями Красной Армии. Надежда была на то, что война будет быстро перенесена на территорию противника. В принципе это была правильная и оправданная стратегия, но к лету 1941 года она уже не соответствовала изменившейся военно-политической ситуации в Европе.

Вместе с тем превосходство СССР над будущим врагом в силах, средствах и ресурсах какое-то время действительно существовало. Не приходится сомневаться, что еще в 1936 году Германия как военная держава очень сильно уступала во многих отношениях Советскому Союзу, но последовавшие затем резкая милитаризация германского общества, прежде всего ее экономики и научно-технической сферы, бескровное установление контроля над Рейнской областью, присоединение Австрии, Судет и Чехии, завоевание «малой кровью» Польши, Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии, захват при этом большого количества трофеев-

ного оружия, боевой и иной техники, боеприпасов, иных материальных ценностей этих государств и их армий, а также британских экспедиционных войск, привели к многократному увеличению сил и средств ее армии, а также ее ресурсных возможностей в количественном отношении. Ну а немецкое качество техники почти всегда было одним из самых лучших в мире, и уж точно намного выше отечественного. К этому добавилось вовлечение ею в союзнические отношения (фактически – в сферу своего доминирования) Румынии, Венгрии, Испании, Финляндии, Словакии, Хорватии, Болгарии.

Вот что писал о происшедшем накануне начала войны резком экономическом усилении Германии один из руководителей советской экономики в эти годы Н. Вознесенский: «Общая сумма богатства, награбленного гитлеровской Германией в оккупированных странах до 1941 года, составляет, по оценке Управления по делам экономической войны в США, 9 млрд. ф. ст., что вдвое превышает годовой национальный доход Германии до войны. Кроме того, гитлеровская Германия в широких масштабах эксплуатировала иностранных рабочих, численность которых в Германии достигала 12 млн человек, что позволяло немцам компенсировать изъятие из производства в армию значительного количества рабочих» [31]. Одной из форм фактического принуждения побежденных Германией в начале Второй мировой войны стран к финансированию ее дальнейших военных действий стало взимание с них контрибуций, размер которых постоянно увеличивался: с 8 млрд марок в 1940 году (11,4 % доли ее государственного бюджета) до 19 млрд марок в 1941 году (18,4 % его доли), продолжая расти и далее – до 48 млрд марок в 1944 году (26,4 % его доли) [32].

Конечно, благодаря стараниям своего политического руководства СССР в 1939—1940 годах также удалось заметно усилиться геополитически, но все же во много раз меньше, чем в это время Германии. Так, население присоединенных, завоеванных, вовлеченных в союзнические отношения Германией в 1938—1940 годах европейских стран и территорий составляло почти 200 млн человек, а население присоединенных в это время к СССР территорий – 20—22 млн человек. При этом, находясь начиная с сентября 1939 года в состоянии войны с Великобританией и другими странами, военно-политическое руководство Третьего рейха имело необходимое оправдание для мобилизации и укомплектования армии военного времени. В результате ее армия с учетом сил союзников стала явно превосходить по большинству показателей Красную Армию, а личный состав вермахта смог в начавшейся войне накопить немалый опыт боевых операций в современных условиях. Подписанные в 1939 году договоры с Германией позволили оттянуть начало войны, но в какой-то мере сыграли с руководством СССР злую шутку, способствовав недооценке военной опасности с ее стороны.

Впрочем, возможности для дальнейшей милитаризации советской экономики и всего общества в целом, еще большего доминирования в структуре производства тяжелой промышленности или ускорения экономического роста к концу 30-х годов в СССР для условий мирного времени были практически полностью исчерпаны. Почти все это уже до предела упиралось в ресурсный потенциал нашей страны, а также «усталость» советского народа от напряжения форсированного развития базовых отраслей экономики и военного производства в годы первых пятилеток. Ведь оно происходило в значительной мере за счет недоразвития сельского хозяйства, легкой промышленности, жилищного строительства и сферы услуг, в первую очередь нужных для материального благополучия населения. Так, доля расходов на оборону в государственном бюджете с 25,6 % в 1939 году, что и так было очень много, выросла в 1940 году – до 32,6 %, а в 1941 году – до 43,4 % [33]. Тем более советские власти в сложившейся ситуации были фактически лишены возможности проведения заблаговременной мобилизации и полномасштабного сосредоточения войск вблизи границ с Германией и ее союзниками.

Можно предположить, что с осени 1940 года и особенно весной 1941 года И. Сталин и другие руководители СССР стали понимать, что военно-политическая мощь Германии зна-

чительно увеличилась, и, следовательно, военная опасность с ее стороны существенно возросла. Об этом, в частности, свидетельствуют переговоры и консультации, которые проводили в эти последние предвоенные месяцы советские руководители со своими коллегами из Германии и Японии, различные мирные инициативы, выдвигавшиеся в этот период властями СССР, попытки проведения дальнейших мероприятий по усилению армии, хотя и в основном завуалированного характера. Важным результатом этих усилий был заключенный 13 апреля 1941 года пакт о нейтралитете между СССР и Японией, который в дальнейшем помог избежать нашей стране войны на два фронта. Однако всего этого с учетом всей опасности сложившейся ситуации было, как оказалось, явно недостаточно ни для предотвращения войны, ни для достаточного усиления армии.

Сравнение ресурсов противостоявших сторон следует начать с сопоставления их людского потенциала, ибо люди есть главное богатство любой страны. Численность находящегося в распоряжении властей населения в решающей степени определяла кадровые возможности государств и блоков, а от этого зависела геополитическая, экономическая и в конечном итоге их военная мощь. Особенно важное значение имела подконтрольная сторонам противоборства численность военнообязанных, а также трудоспособного населения, которая, впрочем, в основном соответствовала общей численности населения.

Подсчет численности населения европейских стран, которую она составляла в исследуемый период, является весьма трудной задачей. Более того, точный ее подсчет вообще невозможен из-за сомнительного характера многих устных данных, разрозненности и противоречивости их источников, пристрастности многих исследователей, а также многочисленных перекроек государственных границ, депортаций, переселений и других миграций населения, которые происходили в эти годы весьма часто. Вызывают сомнения и приводимые в литературе сведения о естественном движении населения, происходившем тогда в этих странах. Однако в совокупности все эти данные все же позволяют беспристрастному исследователю дать достаточно точные оценки его численности.

Итак, население Германии и ее европейских союзников (с учетом оккупированных и присоединенных стран и территорий) насчитывало к началу Великой Отечественной войны приблизительно 302 млн человек, в том числе Германии (с учетом Австрии, Судет, Эльзаса и Лотарингии и других присоединенных и аннексированных стран и территорий) – почти 99 млн человек, а население СССР – около 196,5 млн человек [34]. О численности населения нашей страны более подробно будет говориться во 2-й части работы, благо авторская оценка этого числа практически не отличается от преобладающих в литературе представлений. А вот оценка численности населения Германии и союзных ей стран требует обстоятельного рассмотрения именно здесь.

Прежде всего, следует отметить, что в этих подсчетах автор не учитывал только численность населения стран и территорий Европы, фактически оставшихся вне союзнических отношений, не попавших под оккупацию или в явную и существенную зависимость от вступивших в войну сторон либо военно-политический контроль над которыми был далеко не полный: Швеции, Швейцарии, Португалии, Ирландии, Сербии, Греции, Албании и Турции (если, конечно, считать ее европейской страной), ну и, само собой, Великобритании, находившейся в состоянии войны с Германией.

Прежде всего, следует отметить, что в этих подсчетах автор не учитывал численность населения стран и территорий Европы, фактически оставшихся вне союзнических отношений и не подвергшихся оккупации Германией и ее союзниками: Швеции, Швейцарии, Португалии, Ирландии и Турции (если, конечно, считать ее европейской страной), ну и, само собой, Великобритании, находившейся в состоянии войны с Германией. Не включено в это число и население Греции, Сербии и Черногории, Албании и Косова, в которых продолжалось активное сопротивление оккупантам. С одной стороны, Германия и ее союзники использовали эконо-

мику, инфраструктуру, территорию этих стран, но с другой стороны, оккупанты вынуждены были содержать в них в это время довольно большие воинские контингенты и формирования органов безопасности, которые несли потери в боях с партизанами и другими силами сопротивления, а местные коллаборационисты практически не принимали никакого военного, военно-полицейского или иного подобного участия в войне против СССР.

Особого рассмотрения заслуживает численность населения Германии, которая значительно увеличилась в период с 1938-го по весну 1941 года. К сожалению, большинство авторов, включая отечественных, по указанным уже в этой работе причинам, привыкли считать его с заметным преуменьшением. Даже Б. Мюллер-Гиллебранд, довольно плохо скрывавший в своем знаменитом исследовании желание скрасить горечь поражения своей страны в этой войне и, следовательно, стремившийся к преуменьшению ее сил, средств, ресурсов и потерь, и тот определяет численность населения Германии несколько большими цифрами, чем многие наши соотечественники. По данным этого автора, численность ее населения в 1939 году составляла 80,6 млн чел. (в том числе лиц мужского пола – 38,9 млн чел.), а «накануне Второй мировой войны» – 85 млн человек [35].

Итак, население Германии в границах, определенных Версальским договором, но с учетом Саара, составляло в начале 1939 года не менее 69,5 млн человек. Затем оно стало быстро увеличиваться за счет аншлюса и аннексии оккупированных территорий (с учетом предполагаемого естественного прироста): Австрии – на 8 млн чел. (включая аннексированные территории Чехословакии и Югославии, точнее – Словении), Данцига – почти на 0,5 млн чел., Судетской области и некоторых иных аннексированных районов Чехии – на 4 млн чел., Эльзаса и Лотарингии – на 3,2 млн чел., Люксембурга и небольших восточных территорий Бельгии (бывших западнопрусских) – на 0,5 млн чел., западных и северных районов Польши – примерно на 10,5 млн чел.; и еще около 150 тыс. жителей проживало на территории отторгнутой у Литвы Мемельской области. К этому добавилось переселение (возвращение, репатриация) в указанный период на расширявшуюся территорию Рейха до 1 млн чел. «фольксдойче» (особенно много из центральных и восточных районов Польши, Прибалтики, Бессарабии, некоторых районов Югославии), в то время как выезд населения из Германии в этот момент практически остановился. Наконец, к этому еще надо присовокупить численность выросшего населения основной части Германии за счет естественного прироста, который продолжался в течение 1939—1940 годов и в первой половине 1941 года. Этот прирост, конечно, был не таким большим, как в СССР, который за тот же период составлял, по разным оценкам, от 5 до 6 млн человек. Тем не менее и в Германии население за счет превышения рождаемости над смертностью выросло за это время, по-видимому, почти на 1,5 млн человек [36]. Таким образом, к 22 июня 1941 года развязавший войну против СССР Третий рейх имел население численностью почти 99 млн человек, а не 80 млн и тем более 70 млн, как утверждают некоторые авторы. В конце концов, если бы они были последовательны и непредвзяты, то тогда по их логике при сравнении демографического потенциала сторон надо было бы принимать во внимание только население РСФСР по состоянию на 1939 год, а не всего СССР к 22 июня 1941 года.

Кроме того, еще до 3 млн «фольксдойче» проживали на иных оккупированных Германией территориях (включая советские), которых было бы неправильно включать в число ее жителей рассматриваемого периода, но мобилизационные ресурсы которых все же были в дальнейшем использованы этой страной. При этом общая численность «фольксдойче» в Центральной и Восточной Европе составляла около 10 млн человек. И еще на территории Западной Европы (Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Дания) в эту эпоху насчитывалось более 2 млн «фольксдойче» [37].

Что касается других учтенных здесь европейских стран, то число их жителей к этому моменту, по оценке автора, составляло: Италии – около 46 млн чел. (с учетом населения отторгнутых территорий Югославии и Франции), Румынии – до 15,5 млн чел. (без учета территорий,

переданных в 1940 году Венгрии и Болгарии, с населением более 2,5 млн чел.), Венгрии – более 14 млн чел. (с учетом населения присоединенных территорий Румынии, Югославии и Словакии), Болгарии – почти 8 млн чел. (с учетом населения отторгнутых территорий Югославии, Греции и Румынии), Хорватии – более 6 млн чел., Словакии – до 3 млн чел., Финляндии – до 4 млн чел., Норвегии – около 3 млн чел., Дании – около 4 млн чел., Нидерландов – до 9,5 млн чел., Бельгии – свыше 7 млн чел., Франции (кроме учтенного уже населения Эльзаса и Лотарингии, ряда аннексированных Италией территорий, а также тех французов, которые пребывали в заморских территориях страны, находившихся под контролем «Свободной Франции», или, будучи в эмиграции, были ее участниками) – 37 млн чел., Испании – 26,5 млн чел. В протекторате Богемия и Моравия к этому моменту проживало примерно 7 млн чел., а в образованном на территории Польши (центральных, восточных и некоторых южных ее районах) генерал-губернаторстве – около 12,5 млн чел. [38].

Численность населения Германии, ее союзников в войне против СССР, а также подконтрольных им стран и территорий можно представить в виде таблицы (с. 61).

№ п/п	Страны и территории	Числ. населения на 22.06.1941 г. (округленная оценка с учетом естественного прироста и миграций)
1.	Германия (III Рейх)	99
в т.ч.	Германия (в гран. 1938г.)	72
в т.ч.	Австрия (с учетом аннекс. территорий быв. Югославии (Словении) и Чехословакии)	8
в т.ч.	Аннекс. территории Франции и Бельгии (Эльзас, Лотарингия, Эйпен и др.), а также Люксембурга	3,7
в т.ч.	Данциг и Мемельская обл.	0,6
в т.ч.	Судетская обл. и иные присоед. территории Чехии	4
в т.ч.	Аннексир. западные польские территории	10,5
2.	Оккупированные территории Чехии и Польши, превращенные в колонии Германии (протекторат Богемия и Моравия и Генерал губернаторство)	19,5
	Германия с европейскими колониями	118,5
3.	Союзники Германии в войне против СССР (Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия, Словакия и Хорватия)	88,5
4.	Оккупированные территории Нидерландов, Бельгии, Дании и Норвегии (марионеточные государства, полуколонии Германии)	23,5
5.	Иные союзники Германии (Болгария, Испания, Вишистская Франция), а также оккупированные ею террритории Франции (включая фактически аннекс. ее северные территории – Нор Па де Кале)	71,5
6.	Общая численность населения Германии и ее союзников с учетом присоединенных, оккупированных и иных подконтрольных территорий	302
7.	Оккупированные Германией и ее союзниками страны, в которых им продолжалось оказываться вооруженное сопротивление (Греция, Сербия и Черногория, Албания и Косово)	14,5

Когда говорят о соотношении сил сторон в Великой Отечественной войне, то многие авторы, прежде всего с подачи советской пропаганды, а также отдельных немецких, британских и прочих западных источников, исходят из того, что чуть ли не все население СССР участвовало в борьбе против нацистско-фашистского блока государств, а у Германии тыл был некрепким ввиду активности движения Сопротивления, союзники ненадежные и далеко не все население находившихся под ее контролем стран было использовано в войне против нашей страны. В свою очередь, это укрепляет их во мнении, что у СССР были огромные людские и прочие ресурсы, а у Германии – явно меньшие. Однако в начале Великой Отечественной войны это было далеко не так, как и в значительной мере и дальше тоже, вплоть до середины 1944 года. Не говоря уже о том, что этим представлениям противоречат высказывания других авторов о массовом переходе на сторону врага, сдаче в плен практически без сопротивления, бегстве с поля боя, дезертирстве, уклонении от призыва и мобилизации миллионов красноармейцев, призывников и мобилизуемых, а также подобном поведении значительной части советского населения в оккупированных областях, которое, как известно, насчитывало несколько десятков миллионов человек. И в начавшейся войне так в значительной мере и было. Поэтому в любом случае с ее началом людские ресурсы стран Оси существенно выросли, а ресурсы СССР соответственно уменьшились.

На самом деле степень использования руководством СССР населения и потенциала разных союзных республик была далеко не одинаковой, да и размер их отличался весьма сильно. Если отбросить господствующую в этом вопросе с советских времен особо щепетильную политкорректность идеологии интернационализма, то надо откровенно заявить, что основную тяжесть войны вынесла на своих плечах РСФСР, население которой составляло накануне ее начала примерно 112 млн человек, а основной костяк участвовавших в боях частей Красной Армии составляли этнические русские – до 2/3 [39], численность которых была на тот же момент приблизительно 103 млн человек (примерно 52,5 % населения страны) [40]. При этом вместе с очень близкими им в этническом отношении украинцами и белорусами их доля насчитывала до 85 % численности всей Красной Армии и до 75 % населения СССР.

В то же время численность этнических немцев Германии, австрийцев и приравненных законами нацистской Германии к немцам судетских немцев, эльзасцев и лотарингцев, люксембуржцев, «фольксдойче» (европейских немцев-переселенцев и их потомков, не утративших свою этническую идентичность, в том числе родившихся в смешанных браках) составляла в это время в Германии и на присоединенных и оккупированных ею территориях, по разным оценкам, от 85 млн до 90 млн человек. А если учитывать всех таких лиц, которые проживали в других подконтрольных Германии странах, их число могло достигать 90—92 млн человек [41].

Кроме того, в вооруженных силах и прочих военизированных формированиях Германии значительную часть их численности составляли представители иных народов Европы, прежде всего оккупированных стран (до 15 % и, возможно, больше), в том числе многие граждане СССР и российские эмигранты. Последних 2-х категорий, включая «добровольных помощников», участников всевозможных охранных, карательных и особых подразделений, частей и т.д., по разным оценкам, за годы войны немцами привлечено от многих сотен тысяч до 2 млн человек. Так, коллектив военных историков, возглавляемый Г.Ф. Кривошеевым, оценивает общую численность подобных формирований в 800 тыс. человек [42], но вовсе не исключено, что эти данные не совсем полные. И хотя в важнейших боях на Восточном фронте большинство из них не принимали или почти не принимали участие, а многие из их числа при первой же возможности переходили на советскую сторону, эти наши соотечественники все же немало помогли вражеским силам в преодолении их мобилизационных трудностей.

Здесь уже не приходится говорить о том, что в те войска Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Словакии, Хорватии и Испании, которые действовали против вооруженных сил СССР, было мобилизовано за несколько лет войны, как можно оценить, в общей сложности

до 5 млн человек и более, а их доля на фронте противоборства с СССР до конца 1942 года составляла почти пятую часть всех войск противника. Так, по данным авторов фундаментальной «Истории Второй мировой войны 1939—1945 гг.», уже к лету 1941 года вооруженные силы европейских союзников фашистской Германии насчитывали около 4 млн человек [43]. Да и вплоть до середины 1944 года они продолжали играть немалую роль на советско-германском фронте.

Конечно, потом уже, почти с середины войны, на нашей стороне начнут сражаться польские, чехословацкие воинские части (и то в большинстве своем состоявшие из лиц, имевших советское гражданство, на нашей технике и нашим оружием), а ближе к концу войны – румынские и болгарские. Это потом итальянцы уйдут с Восточного фронта, да еще и вынудят своими переворотами и прочими политическими колебаниями отвлекать значительную часть немецких войск в Италию, куда вторгнутся британско-американские войска и где активизируются итальянские антифашистские силы. Те же финны перестанут против нас воевать тоже ближе к концу войны. Но в ее начале все они были верными союзниками гитлеровцев.

Сказанное здесь, конечно, не позволяет в полной мере признать Великую Отечественную войну как противоборство в первую очередь немцев и немецкоговорящих этносов («арийцев»), с одной стороны, и русских (восточных славян), с другой стороны, в то время как другие народы были только вовлечены в эту войну. Однако несомненно, что это противоборство было во многом в ней стержневым.

Пожалуй, эту войну следует скорее признать как противоборство Европы (Центральной и континентальной Западной Европы), с одной стороны, и СССР (исторической России либо Евразии), с другой стороны. Тем не менее насколько Германия была геополитической и демографической основой, костяком нацистско-фашистского блока, а вместе с Австрией, Судетами, Эльзасом и Лотарингией, некоторыми иными присоединенными землями оккупированных государств с высокой долей в их населении «фольксдойче» она составляла, образно говоря, вполне сформированный геополитический «организм» всего этого блока, настолько примерно и РСФСР была соответствующим костяком СССР, также составляя вместе с тесно спаянными с ней Украиной, Белоруссией и Казахстаном аналогичный «организм» Советского Союза.

Почему значительная часть военнообязанного населения СССР не могла быть использована его руководством в войне против Германии и ее союзников или использована была далеко не полностью, установить при желании несложно, хотя вряд ли здесь можно добиться большой точности. Итак, во-первых, территория Прибалтики, Белоруссии, Молдавии, Западной Украины и в значительной мере других ее правобережных частей была быстро захвачена противником, причем районы Западной Украины, Западной и Центральной Белоруссии, Литвы и Латвии – примерно за неделю. Поэтому значительную, а местами бóльшую часть военнообязанных этих довольно густонаселенных регионов не успели мобилизовать в Красную Армию, а многие мобилизованные не смогли попасть в наши войска. Кстати, немалые потери среди последней категории лиц наши военные историки до сих пор не знают, куда отнести – к военным или гражданским, но чаще все же считают их военными потерями (что, однако, нельзя признать обоснованным).

Во-вторых, бóльшая часть латышей, эстонцев, значительная часть литовцев и поляков, некоторых групп западных украинцев в силу различных исторических, политических, социально-экономических, этнорелигиозных и иных факторов воспринимала немцев, а не меньшая часть молдаван – румын, не как врагов, а как таких же новых чужеземных хозяев, как и советских, русских, или даже как освободителей. Поэтому многие из них, в том числе и из тех, что находились к тому времени на советской военной службе, охотно переходили на службу к нашим врагам.

В-третьих, немецкое военно-политическое руководство старалось поначалу «заигрывать» со многими категориями советских военнопленных, а также жителей оккупированных

территорий разных национальностей, включая весьма многочисленных этнических украинцев, пытаясь привлечь их на свою сторону и противопоставить их этническим русским, что им в значительной мере удавалось, и те легче сдавались в плен, охотнее в среднем пополняли ряды национальных воинских частей вермахта и войск СС, служили в других немецких формированиях. Показательно, что среди сдавшихся в плен советских военнослужащих русские составляли около 48 %, в то время как среди погибших – около 66 % [44].

В-четвертых, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств существовали немалые трудности в мобилизации военнообязанных из числа многих народов Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа и Крыма: отдаленности этих территорий, сложностей их ландшафта, неразвитости в них транспортной и социальной инфраструктуры, отчасти как бы постороннего характера этой войны для населявших их этносов, широко распространенных среди них националистических, сепаратистских настроений (в силу, например, принципиальных различий в происхождении и культуре или исторических обид), довольно высокой степени этнической солидарности и этнической однородности населения большинства этих регионов и т.д.

В-пятых, военнослужащие многих из этих «южных» этносов в силу некоторых причин (особенностей менталитета, культуры, истории, уровня социально-экономического развития регионов их проживания и т.д.) не отличались большой дисциплинированностью и стойкостью в бою. Большинство из них не знало или плохо знало русский язык, а их образовательный уровень, технические навыки, военная подготовка и даже, по данным историка А. Безугольного, физическое развитие вследствие указанных и иных обстоятельств характеризовались в среднем более плохими показателями [45]. Поэтому существовали сложности с мобилизацией, военным обучением и адаптацией в воинских подразделениях значительного числа лиц многих национальностей Кавказа и Средней Азии. Вследствие этого их направление на фронт, привлечение к наиболее важным и рискованным заданиям, да и вообще к боевым операциям было в целом гораздо меньшим, чем военнослужащих других национальностей. Не помогло полностью решить эту проблему и формирование национальных воинских частей. На все эти трудности, в частности, указывает сильное различие в цифрах как абсолютных, так и относительных потерь среди военнослужащих разной национальности [46].

Об указанных явлениях свидетельствуют также донесения военачальников, командиров и других должностных лиц РККА и НКВД самого разного уровня, в которых отмечаются такие проблемные и негативные факты, как незнание лицами коренных национальностей Кавказа и Средней Азии русского языка, большой процент среди них неграмотных, специфические национальные особенности, обычаи и уклад жизни, распространенная среди них круговая порука, нередкое панибратство командиров с подчиненными в национальных воинских частях и т.д. [47]. Вместе с тем в силу этих и иных обстоятельств для представителей названных народов, особенно Северного Кавказа, при комплектовании советских вооруженных сил в годы войны устанавливались те или иные ограничения, вплоть до отмены их призыва и мобилизации, а также увольнения в запас мобилизованных [48].

Разумеется, автор далек от мысли обвинять эти национальности в некоем уклонении от войны или какой-то ущербности, речь идет здесь прежде всего об объективных и двусторонних (между руководством страны и отдельными этносами в своей массе, между этническим большинством и этническими меньшинствами) проблемах участия их в этой войне.

Вместе с тем степень их участия в войне в рядах советских вооруженных сил была неодинаковой. Сравнение долей разных этносов в демографических потерях наших войск и населения страны показывает, что наивысшей она была у армян, грузин, казахов, а также киргизов, осетин, наименьшей – среди чеченцев и ингушей [49]. В любом случае подавляющее большинство из них внесло свой посильный вклад в нашу Победу, который в своей совокупности представляется весьма важным. В целом участие народов Средней Азии и Кавказа в этой, которой уже по счету войне для нашей державы было как никогда ранее существенным.

Не стоит забывать и то, что гражданами СССР накануне войны было до полутора миллионов этнических немцев (до 0,8 % населения страны), которых в Красной Армии по понятным причинам практически не было. И это не считая нескольких сотен тысяч немцев Прибалтики, Бессарабии и в меньшей степени других вошедших в состав СССР в 1939—1940 годы районов, большинство из которых до начала войны успело выехать в Германию. Кроме того, большинство из оставшихся немцев, проживавших до войны на Украине, в Прибалтике и некоторых иных регионах страны, не преминули, так сказать, возможностью признать себя «фольксдойче» и влиться в ряды «доблестной» германской армии и других формирований и организаций Германии.

Не было или было крайне мало в Красной Армии и представителей некоторых других этнических групп, проживавших на территории СССР: финнов, болгар, румын, венгров, а также ряда более мелких. Практически в той же мере это относится и к довольно многочисленным полякам, которые составляли значительную часть населения вошедших в 1939—1940 годах в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, а также жили и в других регионах страны, насчитывая к середине 1941 года в общей сложности около 3 млн человек или даже более. Так, демографические потери советских военнослужащих-поляков за время войны составили в абсолютном отношении такую же величину, что и потери военнослужащих-карел [50], хотя численность карел в стране была в то время примерно в 12 раз меньше численности поляков. Можно, конечно, спорить, насколько обоснованно этим группам населения не доверяли советские власти, но факт остается фактом. Впрочем, значительная часть тех же поляков была направлена в сформированные во время войны в СССР польские армии В. Андерса и З. Берлинга, которые не вошли в состав вооруженных сил СССР, но так или иначе внесли свой вклад в противоборство с войсками Германии и ее союзников.

Наконец, призыву и мобилизации не подлежали ряд категорий заключенных-мужчин, которые по возрасту и состоянию здоровья были годны к военной службе. Общее число таких лиц могло достичь за годы войны 1 млн человек [51].

Надо помнить еще и о том, что доля мужчин военнообязанных возрастов среди русских и большинства других народов СССР была гораздо меньшей, чем у немцев, австрийцев, венгров и большинства других народов противостоявшей нам в войне стороны. Это было обусловлено ощутимо более высоким уровнем смертности населения СССР и России в трудоспособном и детском возрасте в течение не только 30-х годов, но и всех предшествующих десятилетий, а в отдельные годы катастрофически более высокой – в 1919—1922 и 1933 годах. Одновременно большие потери населения вследствие более высокой смертности в СССР замещались благодаря гораздо более высокой рождаемости [52]. Следовательно, доля детей и подростков в населении СССР была гораздо большей, а взрослых – гораздо меньшей, чем в населении Германии и союзных ей стран. Поэтому, к примеру, число военнообязанных этнических русских, с одной стороны, и этнических немцев и приравненных к ним лиц, с другой стороны, в абсолютных величинах накануне войны было не вполне пропорциональным соотношению их общей численности. Для русских это число военнообязанных можно оценить на момент начала войны примерно в 17 млн человек, а для немцев и приравненных к ним лиц – в 20 млн человек (более конкретное и подробное обоснование этих цифр дается в следующей части книги).

Другое дело, что война потребовала от СССР большего напряжения сил, и советское руководство смогло поставить под ружье и к станку своих граждан в процентном отношении, несомненно, больше от имевшихся мобилизационных и трудовых ресурсов. Помимо максимально возможных масштабов мобилизации мужчин военнообязанных возрастов (и даже 1890—1891 годов рождения) с предельно допустимой степенью изъятия их из народного хозяйства и других отраслей, власти СССР в наиболее трудный период войны сумели привлечь в Красную Армию в качестве добровольцев большое число лиц, которые не подлежали мобилизации по возрасту или вследствие иных обстоятельств, а также женщин. Так, многие сотни тысяч

москвичей, ленинградцев, киевлян, одесситов, жителей других городов вошли в число воинов Красной Армии, вступив в народное ополчение, истребительные батальоны и иные формирования. При этом согласно постановлению ГКО от 4 июля 1941 года «добровольной мобилизации» в народное ополчение подлежали лица в возрасте от 17 до 55 лет. Кроме того, многочисленные добровольцы и патриоты, которые в силу различных причин не стали кадровыми военными, составили значительную долю партизан, подпольщиков и тех же ополченцев, также сыграв в их рядах важную роль в борьбе с врагом в самое трудное время войны.

Вместе с тем, поскольку доля несовершеннолетних лиц в СССР была существенно выше доли этой категории лиц в населении Германии, с каждым годом войны мобилизационные и кадрово-экономические возможности нашей страны в сравнительном отношении понемногу увеличивались. Речь здесь прежде всего идет о том, что доля лиц 1923—1927 годов рождения (а также в меньшей мере 1922 года рождения), которые достигли призывного возраста и активно направлялись в армию в течение войны, была в СССР сравнительно большей, чем в Германии. Пожалуй, еще большей была в нашей стране по сравнению с ней доля несовершеннолетних более младших возрастов, которые с каждым годом войны играли все более важную роль в оборонной и других отраслях ее экономики, а также в определенной мере участвовали в партизанском движении и даже при некоторых обстоятельствах зачислялись на военную службу.

Что касается нашего врага, то он за счет части населения оккупированных советских территорий, а также военнопленных, которых его вооруженные силы немало захватили в 1941 году, смог в начале войны в еще большей степени увеличить свои мобилизационные возможности, но эта «халява», слава богу, для него довольно быстро закончилась. Еще сильнее Германия использовала потенциал ранее захваченных, присоединенных и зависимых стран и территорий и их населения, как непосредственно перед войной, так и в разгар ее сражений. Особенно интенсивным было привлечение населения этих стран и территорий для решения экономических задач фашистского блока. Французские, чешские, бельгийские, голландские, датские, польские заводы, фабрики, шахты, рудники и иные предприятия в основном исправно работали на экономику нашего врага, производя в том числе военную технику и оружие. Многие жители оккупированных Германией государств также были привлечены, в том числе угнаны силой, непосредственно к работе на ее предприятиях и других объектах. Они составляли до 40 % рабочих, занятых в германской промышленности в годы войны [53]. Нацисты и их союзники могли также свободно использовать транзитную территорию этих стран, их дороги, порты и другие объекты для своих экономических, военных и иных целей.

Об экономическом сотрудничестве Германии, Италии и других государств нацистско-фашистского блока, наверное, вообще излишне напоминать. Различные формы экономического и иного сотрудничества немцы и их союзники поддерживали и с такими внешне нейтральными европейскими странами, как Швеция и Швейцария, которые превратились, по сути дела, в значительной мере зависимые от Германии анклавы. По тем или иным каналам, в частности с помощью Испании и французского правительства с резиденцией в Виши, они имели экономические отношения накануне войны и в ее начале также со многими неевропейскими странами: африканскими, азиатскими и южноамериканскими и даже с некоторыми фирмами США. Во всяком случае, они могли в некоторой степени использовать сырьевые, а порой и иные ресурсы отдельных из этих стран, в отличие от СССР, единственным союзником которого в этот период была Монголия, а союзнические отношения с другими странами только начинали налаживаться.

Кроме того, немецко-фашистские захватчики сумели быстро оккупировать значительную часть территории СССР: к ноябрю 1941 года она насчитывала население (в довоенном исчислении) до 70 млн человек. Правда, большинство военнообязанных, проживавших на этой территории, мобилизовать советским властям все же удалось, как и получилось эвакуировать

большую часть крупных промышленных и иных предприятий и организаций, а также большинство специалистов и немало иных лиц. Всего, как считает известный историк Г. Куманев, «из угрожаемой зоны удалось переместить на восток различными видами транспорта в 1941—1942 гг. около 17 млн человек» [54]. Другими словами, немцам и их союзникам досталась не самая трудоспособная, а тем более боеспособная часть населения. Да и та далеко не в полном составе работала на врага. Помимо этого, значительную часть оставшихся заводов, шахт, рудников, электростанций, мостов, транспортных объектов советским властям удалось уничтожить или вывести из строя, как и вывезти или перегнать большую часть транспортных и других материальных средств. Но все же и нашему врагу досталось немало, особенно сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов, как, впрочем, малоквалифицированных и неквалифицированных трудовых ресурсов тоже.

Таким образом, благодаря перечисленным, а также иным обстоятельствам, Германия и ее европейские союзники (с учетом оккупированных и присоединенных ими территорий) в целом значительно превосходили нашу страну в экономической мощи. К началу войны СССР имел над ними преимущество лишь в добыче нефти, заготовке леса, производстве некоторых видов цветных металлов (в основном меди и никеля) и, кроме того (хотя это и спорно), в мощностях по производству тракторов, а следовательно, и танков. Но при этом достигнутое нашей страной превосходство в этих отраслях было отягощено большими экономическими издержками, связанными с более неблагоприятными природно-климатическими и географическими условиями функционирования отечественной социально-экономической сферы, а также гораздо менее развитой социальной и экономической инфраструктурой [55].

Зато фашистский блок намного превосходил СССР в добыче угля, мощностях по производству электроэнергии, черных металлов, алюминия и особенно сильно – автомобилей и других транспортных средств, различных видов приборов, радиотехнических устройств и другой продукции машиностроительной промышленности. Кроме того, в 1939—1941 годах Германии удалось захватить в побежденных странах довольно много различных видов сырья и материалов, в том числе черных и цветных металлов, не говоря уже об автомобилях, иных транспортных средствах, других видов промышленной, а также сельскохозяйственной продукции [56].

Согласно данным, приведенным в 3-м томе «Истории Второй мировой войны 1939—1945 гг.», производство наиболее важных видов продукции, являвшихся базовыми для всей экономики, включая оборонную промышленность, в 1940 году составило [57]:

№	Виды продукции	Германия, ее союзники, сателлиты, оккупированные ими территории (в том числе Германия с Австрией)	СССР
1.	Электроэнергия (млрд кВт.ч)	110 (52)	48,3
2.	Уголь (в пересчете на каменный) (млн т)	348 (185)	165,9
3.	Нефть (млн т)	10 (0,5)	31,1
4.	Сталь (млн т)	43,6 (20)	18,3
5.	Автомобили (тыс. шт.)	676 (333)	145

О большом превосходстве нашего врага в индустриальных мощностях весьма красноречиво говорит и такой факт: в СССР парк металлорежущих станков в 1940 году составлял 710 тыс., а в Германии в 1941 г. – почти 1,7 млн [58]. Важно также отметить, что с учетом производства алюминия в оккупированных странах Германия к началу войны намного опережала по выплавке этого важнейшего вида сырья для авиационной промышленности все другие страны мира, а СССР – в несколько раз [59].

Забегая немного вперед, нельзя здесь не вспомнить и то, что нехватка алюминия стало одной из наиболее важных проблем советской авиации накануне и во время войны. К примеру, известный авиационный специалист В. Кондратьев одной из главных причин низких характеристик советских самолетов по сравнению с немецкими, наряду с историческим отставанием в развитии отечественной авиации, двигателестроения, приборостроения, радиотехники, считает «необходимость использования» в их конструкции «древесины, фанеры и стальных труб вместо дефицитных алюминиевых и магниевых сплавов». «Непреодолимая тяжесть деревянной и смешанной конструкции, – пишет он дальше, – вынуждала ослаблять вооружение, ограничивать боекомплект, уменьшать запас топлива и экономить на бронезащите» [60].

Что касается союзников, то у немцев их в 1941 году, как указано, было немало, и все они тогда были достаточно надежными. Во всяком случае, правительства этих стран оставались верными Германии, как и не было тогда на их территории крупных восстаний или мятежей. Не было ничего подобного и на территории оккупированных или присоединенных Германией стран, за исключением, пожалуй, только продолжавшегося сопротивления захватчикам в Сербии и других регионах Югославии, а также в меньшей степени в Греции и Албании, то есть в странах, которые автор в актив германско-фашистского блока не включил. Правда, Италия довольно сильно увязла в столкновениях в Северной Африке, вишисты и другие прогерманские силы постепенно стали терять контроль над французскими колониями и иными территориями в Африке и на Ближнем Востоке. Затем, уже в августе – сентябре 1941 года, британские и советские войска оккупировали ориентированный на Германию Иран, чем сильно подорвали ее позиции в Юго-Западной Азии. Однако на вероломное нападение на СССР Германии и ее союзников и последовавшее вслед за этим их успешное наступление эти события существенно не влияли.

А вот о союзниках СССР сказать почти нечего, потому что их практически еще тогда не было. Можно вспомнить миллионную Монголию, но чем она, находясь далеко на востоке, могла помочь Красной Армии в тяжелые дни испытаний? Разве что лошадьми, овчинами и мясом, да и то в сравнительно небольших количествах. Что касается Великобритании, то союзнические отношения с ней складывались довольно медленно, а ее помощь поначалу была в основном моральной. Разумеется, нельзя недооценивать военное противостояние этой державы с Германией и ее союзниками на море, в воздухе, а также и на земле – в Северной Африке и Юго-Западной Азии, но существенного влияния это на ситуацию на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 году не оказывало. Тем более никакой заметной роли тогда не могла играть созданная генералом Ш. де Голлем «Свободная Франция», которая еще только собирала силы, а действовала практически лишь в некоторых французских колониях против сил коллаборационистского правительства А. Петэна.

Поэтому Германия смогла выставить в начале войны против СССР 66,5 % своих пехотных и кавалерийских дивизий и 94,3 % танковых и моторизованных [61]. Остальная часть ее сухопутных войск решала в это время преимущественно небоевые задачи, располагаясь в самой Германии, на оккупированных ею территориях и в зависимых от нее странах. Большинство своих основных сил направили против СССР и ее союзники, кроме Италии, которая тогда была довольно сильно вовлечена в бои с британскими войсками и другими силами в Северной Африке и иных регионах.

Таким образом, ни Великобритания, включая ее доминионы и колонии, ни «Свободная Франция», ни другие силы сопротивления почти никаких больших помех Германии и ее союзникам в войне против СССР в 1941 году не создавали, отвлекая их силы в меньшей степени, чем, например, Япония и отчасти формально нейтральные Турция и Иран отвлекали советские силы. Подавляющее большинство своих боеспособных войск блок фашистских государств, кроме Италии, направил для реализации гитлеровского захватнического плана «Барбаросса». В этот период существенной помехой для Германии были, пожалуй, лишь британские ВВС, которые сковывали немалую часть ее авиации. Также значительное число немецких ВМС было задействовано в военно-морском противостоянии с Великобританией, но в 1941 году крупных морских операций против СССР фашистские государства не проводили, как и в ответ советский Военно-морской флот не мог нанести серьезные удары по Германии.

Для сравнения можно отметить, что СССР к началу войны сосредоточил в своих западных военных округах, то есть непосредственно против Германии и ее союзников, 54 % своих дивизий и бригад. Да и потом долю сражающихся на советско-германском фронте войск советское руководство не могло слишком сильно увеличить ввиду необходимости размещения крупных войсковых группировок на других вероятных театрах военных действий – Дальневосточном и Южном [62]. Кроме того, слишком большое число советских солдат и офицеров находилось во внутренних районах СССР из-за огромных размеров его территории: в пути в среднем наши войска следовали гораздо дольше, чем немецкие и другие западноевропейские, а также на мобилизационные и иные мероприятия нужно было направлять военнотружущих относительно больше в связи с низкой плотностью населения и отставанием в мобилизации. Доля бойцов и командиров, находившихся тогда на фронте, была сравнительно не столь уж и велика еще и потому, что в начале войны Красная Армия понесла слишком большие потери. В силу этого советские военные власти вынуждены были в большей мере, чем противник, держать своих военнотружущих на обучении, излечении, переформировании войсковых соединений и частей и т.д.

О значении угрозы со стороны Японии в начале Великой Отечественной войны свидетельствует то, что сосредоточенная у наших границ на Дальнем Востоке японская Квантунская армия вместе с войсками союзного им государства Маньчжоу-Го (основная часть Северо-Восточного Китая), по данным А.В. Шишова, насчитывала летом 1941 года до 1 миллиона человек. Он также отмечает: «На вооружении Квантунской группировки японских войск состояло 6640 артиллерийских орудий и минометов, 1215 танков и самоходных орудий, 1907 боевых самолетов и 26 речных кораблей». Кроме того, у японцев имелись большие возможности укрепить эту группировку, в частности переправив при необходимости значительную часть из 2,5 миллиона своих солдат и офицеров, которые находились на близко расположенных островах Японии фактически как резерв [63]. «Присутствие на дальневосточных границах мощной группировки вооруженных сил Японии вынуждало Советский Союз на протяжении всей Великой Отечественной войны с Германией и ее союзниками держать на Востоке... войск общей численностью более 1 миллиона солдат и офицеров, 8—16 тысяч орудий и минометов, свыше 2 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, от 3 до 4 тысяч боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. Это составляло от 15 до 30 процентов боевых сил и средств советских вооруженных сил», – указывает этот автор [64].

«По данным разведуправления японского Генштаба от 12 июля 1941 года, за три недели после начала советско-германской войны с Дальнего Востока на Запад было переброшено лишь 17 % советских дивизий, а механизированных частей – около одной трети. При этом японская разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения», – так описывает сложившуюся на линии советско-японского противостояния ситуацию летом 1941 года В. Люлечник в своей работе «Почему не состоялась Советско-Японская война» [65].

Значительную часть войск советское руководство вынуждено было держать и на юге – в Закавказье и Средней Азии, где существовала турецкая угроза, а также возможны были враждебные действия определенных сил в Иране и Афганистане. Кроме того, вплоть до начала Великой Отечественной войны у СССР были довольно напряженными отношения и с Великобританией, у которой здесь поблизости располагались колонии и, соответственно, колониальные войска.

Так кто же в большей степени вынужден был действовать в 1941 году на несколько фронтов (ТВД)? В конце концов, немцы могли достаточно быстро перебросить в случае необходимости свои войска в Западную Европу, а попробуйте быстро перебросить войска из Восточной Европы на Дальний Восток или хотя бы в Забайкалье либо обратно. Надо ли доказывать, что расстояние от Парижа и Брюсселя до Львова и Бреста во много раз меньше, чем от последних до Читы, а тем более Хабаровска и Владивостока? И это еще при гораздо более низкой пропускной способности отечественных железных дорог по сравнению с европейскими и почти полном отсутствии на большей части территории СССР того времени шоссейных дорог с твердым покрытием, как, впрочем, сколько-нибудь существенного парка автотранспорта – тоже. В Германии же к войне были построены знаменитые автобаны, а ее автопарк с учетом трофеев превышал советский как минимум в 4—5 раз. С учетом же в несколько раз меньших размеров территории Германии и подконтрольных ей стран Европы по сравнению с СССР и лучшего качества немецких автомашин превышение возможностей нашего противника в интенсивности и объеме автомобильных перевозок могло достигать 10—15 раз.

Таким образом, общее превосходство Германии и ее европейских союзников над СССР в экономических, мобилизационных, трудовых и иных ресурсах к моменту нападения на нашу страну было весьма значительным. Если исходить из приведенных в настоящей главе данных о численности населения и показателей промышленного производства, оно составило разницу примерно в 1,7—1,8 раза. Внешнеполитическая, геополитическая, военно-стратегическая ситуация была в это время тоже явно в пользу фашистского блока. Это и предопределило тогда большое превосходство его вооруженных сил над советскими в силах и средствах и как следствие – значительные военные успехи этого блока в начале войны.

4. Соотношение сил и средств сторон в начале войны

Если обратиться к тем данным, которые традиционно приводятся в исторической литературе в нашей стране, преимущество Германии и ее союзников в силах и средствах в начале войны не выглядит столь уж убедительным. Более того, во многих трудах имеются высказывания и даже вполне конкретные данные, в которых, по существу, отрицается немецкое количественное военное превосходство в 1941 году. Чаще же всего в трудах отечественных авторов отмечается то, что немцы и их союзники имели в этот момент довольно большое преимущество в численности личного состава благодаря заблаговременному проведению мобилизации и переброске войск, но при этом немало уступали нашим войскам в количестве боевой техники.

Обратимся к источнику, который среди трудов о войне в последние годы приобрел значение чуть ли официального и ставшего уже хрестоматийным, – статистическому исследованию коллектива военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX века». Аналогичные данные представлены и в новом издании этого коллектива «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь». В них суммарное соотношение сил и средств, сосредоточенных у западных границ СССР, оценивается как 1,19: 1 в пользу Германии и ее союзников. Но при этом в танках советская группировка будто бы имела огромное преимущество – в соотношении 0,3: 1 (4,3 тыс. против 14,2 тыс.), почти такое же оно было в боевых самолетах – 0,54: 1 (5 тыс. против 9,2 тыс.). И даже в орудиях и минометах немецкое преимущество было не такое уж и большое – 1,43: 1 (47,2 тыс. против 32,9 тыс.). Зато в численности личного состава у врага было почти 2-кратное преимущество (5,5 млн чел. против 2,9 млн чел.) [66].

Нет сомнений, что эти данные базируются на советских документальных источниках. Но всем ли из них и во всем ли можно вполне доверять, а тем более считать полностью соответствующими действительности? А еще более того, разве можно легко верить данным, которые представлены немецкими мемуаристами, пусть даже они и утверждают, что их источником являются служебные документы вермахта? Ведь если бездумно «проглотить» указанные цифры, то получается, что бедных немецких солдат, а также румын, венгров и прочих разных финнов их отцы-командиры не на блицкриг посылали, а на убой.

Больше всего среди этих показателей повергает в недоумение огромное число советских танков, которые будто бы в начале войны дружно встречали врага на наших западных границах. Однако, во-первых, на самом деле почти все учитываемые в этих подсчетах немецкие силы тогда были непосредственно у границ СССР, а около половины наших танков, которые находились в западных военных округах и учитывались здесь фактически как танки действующей армии, надо было еще гнать к ним за многие десятки, а порой и сотни километров, расходуя их моторесурс, сжигая горючее и теряя их в пути из-за поломок. Так, по данным В. Дайнеса, из 170 советских дивизий, дислоцированных накануне нападения врага в западных военных округах, 75 были расположены от 100 до 400 км от границы и более, а 10 были в пути [67]. Ну а, например, В.И. Дашичев и вовсе писал о том, что только 56 наших дивизий (32 %) были в первом эшелоне, а остальные располагались «в районах сосредоточения на общей глубине от 300 до 400 км от границ» или были в пути. При этом, по его данным, противник «имел в это время перед фронтом наших округов в первом эшелоне 63 процента всех соединений армии вторжения» [68]. И вряд ли эта ситуация существенно изменилась из-за того, что с началом боев немцы своим стремительным продвижением в глубь нашей территории сами быстро сократили это расстояние. Не менее проблемной была и перевозка танков транспортом из-за дополнительных организационно-технических трудностей, потери времени и налетов немецкой авиации на железнодорожные станции и эшелоны.

Во-вторых, при всем желании невозможно поверить в реалистичность того, что 22 июня 1941 года доля наших танков в действующей армии (а за нее большинство фактически считает все войска западных округов) была столь огромной – почти 63 % (по данным Г.Ф. Кривошеева, 14,2 тыс. от 22,6 тыс. во всех округах), если в течение всех остальных периодов войны она составляла в среднем менее 30 % [69]. Ведь в целом в начале войны доля советских сил и средств на линии противостояния с войсками Германии и ее союзниками от общего их числа была существенно меньшей, чем во все остальные периоды войны.

Не менее удивляет здесь довольно странный метод подсчета общего соотношения сил, который, впрочем, совершенно не объясняется. Фактически же он приводит к сильному завышению советских сил и соответствующему занижению сил противника. И это характерно не только для рассматриваемого исследования, а стало уже традиционным в отечественной историографии со времени «разоблачения культа личности».

Во-первых, многие виды техники и вооружения совершенно не приняты в расчет, в частности бронемашины и бронетранспортеры, грузовые, специальные и другие автомашины, хотя они вместе взятые имели, пожалуй, не меньшее значение, чем те же, например, танки. Тем более что последние были тогда, кстати, в основном легкими и далеко не совершенными. Предположим, что Красная Армия все же имела некоторое преимущество в числе боеспособных танков на линии соприкосновения (хотя, разумеется, это не так), однако даже при самом большом уважении к «прибедняющимся» данным битых немецких генералов и бодрым отчетам начальника ГАБТУ РККА, это преимущество трудно оценить в более чем 5 тыс. машин (до 2-кратного). Зато в автомобилях немцы и их союзники на фронте в начале войны имели преимущество не менее чем в 450 тыс. машин (оценочно более 600 тыс. их автомашин против примерно 150 тыс. наших), то есть разница была примерно 4-кратная [70]. Вот и надо сравнивать значение 5 тыс. плохо оснащенных и укомплектованных советских легких танков (если они вообще были в реальности на фронте), морально, а часто и физически устаревших, и 450 тыс. европейских автомашин, да не каких-попало, а «опелей», «мерседесов», «фольксвагенов», «пежо», «рено», «фордов» и им подобных, то есть произведенных фирмами – лидерами мирового автомобилестроения!

Не подлежит сомнению, что технические характеристики и качество немецких автомашин, в том числе французского производства и прочих трофейных, имели превосходство над нашими автомашинами на порядок, в частности в той же грузоподъемности. Именно за счет подавляющего преимущества в автомашинах и мотоциклах, благоприятной летней сухой погоды и относительно неплохих дорог Украины и Прибалтики, а также гораздо лучших дорог Германии и Центральной Европы, немецкие войска имели на первом этапе войны огромный перевес в мобильности и своевременном снабжении.

Еще раз следует подчеркнуть то, что этого преимущества наш противник добился во многом благодаря активному использованию трофейной техники. «Стремительность германского наступления на Восточном фронте в 1941 году, – пишет известный исследователь А. Широкоград, – была бы невозможна без трофейных тягачей и автомобилей. А они составляли свыше половины автопарка гитлеровских армий» [71].

Нельзя забывать также и о пулеметах, другом стрелковом оружии, а также радиостанциях и иных технических средствах, в которых перевес на стороне немцев был, по-видимому, весьма велик. К примеру, авторы «Истории Второй мировой войны 1939—1945 гг.» установили, что Германия в 1940 году произвела «для пехоты» автоматического оружия 171 тыс. штук, а в 1941 году – 325 тыс. штук, в то время как наша страна к лету 1941 года выпустила только первую большую партию пистолетов-пулеметов (автоматов) – более 100 тыс. штук [72]. А по данным М. Мельтюхова, в первой половине 1941 года Германия превзошла СССР по числу произведенных пулеметов примерно в 6 раз [73].

Если попытаться определить роль танковых частей и подразделений в войсках, противостоявших друг другу в 1941 году, то можно достаточно уверенно предположить, что их условный удельный вес вряд ли тогда по своему значению превышал 15 % совокупной мощи вооруженных сил, уступая, скорее всего, по важности значению артиллерийских и авиационных частей и подразделений [74]. Другое дело, что в авангардных частях и на решающих участках фронта их роль резко повышалась. Кроме того, возможное преимущество советских войск в числе танков вполне нейтрализовывалось немецким перевесом в противотанковых орудиях.

Во-вторых, при определении соотношения сил сторон почти совершенно не учитывается техническое состояние танков и самолетов, а между тем, по-видимому, никем не оспаривается то, что немецкая техника была выведена к нашим границам почти полностью исправной (да и невозможно это оспорить: зачем им перебрасывать для скорого введения в запланированные бои неисправную технику; подавляющее большинство немецких танков были еще сравнительно новыми, а хорошая ремонтно-техническая база позволяла им быстро исправлять поломки). В то же время значительная часть нашей техники была непригодной для боевого применения без ремонта, а некоторая часть из нее существовала практически только на бумаге. Так, даже сами авторы упомянутого статистического исследования вынуждены были признать далее, что в западных военных округах накануне нападения на СССР Германии и ее союзников исправных советских танков было всего 3,8 тыс. [75], то есть немцы и по числу танков (по крайней мере, боеспособных) фактически нас превосходили. Так почему же авторы этого труда при подсчете общего соотношения сил сторон исходили из числа всех танков, в том числе многочисленных неисправных советских боевых машин? Они же все равно в боях не участвовали, будучи после быстрого продвижения врага в глубь нашей территории опять-таки в своем большинстве брошенными. Возможно, впрочем, что небольшая часть из небоеспособных советских танков, находившихся до войны в западных военных округах, в первые ее дни была все же приведена в готовое к бою состояние, но вряд ли их счет мог идти на тысячи, так как немцам уже за первую неделю войны удалось продвинуться в глубь советской территории на большинстве направлений в среднем на 200—300 км.

В-третьих, все виды техники следует сравнивать между собой с учетом их боевых и технических характеристик, то есть не просто танки или орудия и минометы в одной куче, а танки соответствующих типов, гаубицы и пушки соответствующих калибров и т.д. Одно дело – танки моделей КВ и Т-34, другое дело – устаревшие виды легких танков. При этом по числу наиболее боеспособных видов танков нового типа немцы не уступали нашим, а напротив, существенно их превосходили, даже если считать все эти советские танки вполне исправными. Не случайно тот же авторский коллектив под руководством Г.Ф. Кривошеева в своей последней работе определяет, что «группировка войск противника, сосредоточенная у границы с СССР, превосходила советские войска западных военных округов... по тяжелым и средним танкам – в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов – 3,2 раза» [76]. И это было закономерно, так как в 1940 году Германия произвела танков современных типов (средних) 1,4 тыс., а СССР аналогичных им танков Т-34, а также более мощных, но менее скоростных и маневренных КВ – только 361 [77]. Но опять это почему-то большинством авторов не отражается в общих подсчетах соотношения сил сторон. Кстати, при сравнении подобных моделей танков можно тешить себя гордыми мыслями о том, что наши передовые танки того времени КВ и Т-34 были лучше соответствующих немецких Т-III и Т-IV в огневой и броневой мощи. Но зато они уступали им в надежности и удобстве в эксплуатации, оснащении радиостанциями и оптическими приборами, скорострельности орудия, да и, пожалуй, в скорости и маневренности тоже [78].

В-четвертых, нельзя забывать и о качестве боевых и иных машин. Почему-то практически никто не осмеливается утверждать, что, например, отечественные «жигули», «КамАЗы» или «газели» не уступают в оснащении и качестве немецким автомобилям, скорее переоценивая «немецкое качество». Однако когда идет речь о танках, автомашинах и другой технике вре-

мен войны, об этом самом их качестве почему-то большинство вдруг забывает. Что ни говори, но опережали нас немцы и тогда в создании более совершенных моделей техники и вооружения, и еще больше – в качестве их оснащения и изготовления. К тому же большинство наших танков, самолетов и другой техники к началу войны было устаревшим технически и физически. Не случайно начальник штаба Сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер в своем дневнике записывал весной 1941 года: «Русское вооружение: материальная часть устарела» [79].

В-пятых, некорректно сравнивать танки или другую технику сами по себе, в отрыве от их оснащения, укомплектованности и подготовки экипажей, наличия ремонтной базы и другой необходимой инфраструктуры, а также сил взаимодействия с ними. Те же авторы коллективного статистического исследования довольно убедительно показали огромное превосходство (по состоянию на 1941 год) немецкой танковой дивизии над советским танковым корпусом при незначительном перевесе противника в танках: по штатной численности личного состава (что означает бульшую укомплектованность экипажей, лучшее сопровождение, прикрытие, ремонт и снабжение) – в 2,15 раза, в артиллерийских орудиях – почти в 4 раза, в автомобилях – почти в 2,5 раза, и только по числу минометов их силы были почти равными [80].

Кстати, еще бульшая разница в моторизованности и вооруженности в пользу немецкой стороны выявляется при сравнении немецкой пехотной и аналогичной по своему назначению и масштабу советской стрелковой дивизий по их штатам на тот же 1941 год. При превышении в численности личного состава чуть более чем в полтора раза противник имел преимущество в автомобилях почти в 4,5 раза, в орудиях – в 2,5 раза, в минометах – более чем в 1,77 раза, в пулеметах и автоматическом оружии – почти в 3 раза [81]. Надо ли еще раз говорить о том, что и укомплектованность этих штатов у немцев в начале войны была более высокой?!

Одним из подтверждений тенденциозности большинства из таких подсчетов в сторону занижения сил и средств германского блока является также общий учет артиллерийских орудий и минометов при определении их соотношения у сторон. Дело в том, что у Красной Армии было гораздо больше минометов, а у вражеских войск – пушек и гаубиц. В то же время очевидным является то, что пушки и гаубицы в среднем и целом представляют собой более мощный и эффективный вид вооружения, чем минометы. Зато минометы более дешевы и легки в изготовлении. Так что не от хорошей жизни нехватку артиллерийских орудий наше военнополитическое руководство пыталось компенсировать более дешевыми минометами.

Как уже говорилось, огульное сравнение общих, да еще и сомнительных показателей всех без разбору танков и самолетов в отрыве от других показателей и обстоятельств приводит некоторых авторов к полуфантастическим версиям (если не сказать больше), например, о целенаправленной подготовке СССР к агрессии против Германии или о якобы превосходстве в силах Красной Армии над врагом к началу войны. В частности, М. Мельтюхов писал о почти 4-кратном превосходстве советской группировки, сосредоточенной в июне 1941 года в западных военных округах, в танках и штурмовых орудиях над противостоявшей ей группировкой противника (15,7 тыс. у нас против 4,2 тыс. у немцев и их союзников), обосновывая этим «фактом» подготовку СССР к превентивному нападению на Германию [82], а М. Солонин утверждал о более чем 4-кратном превосходстве РККА в танках (в РККА у западной границы более 13 тыс. единиц, не считая танкеток) [83]. Что же тогда говорить о В. Суворове, который уже в силу своего положения перебежчика был, по сути дела, ангажирован для возведения армады советских «бумажных» танков в некий культ, или о многих высокомерно относящихся к нашей стране западных исследователях?!

Не мучает подобных авторов и вопрос: а куда так быстро исчезли эти многие тысячи советских танков? «Как куда, – возмутятся такие сочинители, – немцы уничтожили». Когда же успели? «Да всё тогда, – добавляют они, – в первые дни войны». К примеру, заявил М. Мельтюхов о почти 16 тыс. советских танков, которые будто бы были к началу войны в наших западных округах, значит, ему пришлось потом утверждать, что немцы, едва начав войну, большинство

из них почти мгновенно уничтожили и захватили. Вот и табличку со ссылочками он со свойственной ему пунктуальностью не забыл представить, в которой указал, что к 10 июля 1941 года Красная Армия потеряла 11 783 танка [84]. Остается только раскрыть рот от удивления: получается, что РККА теряла тогда по 654 танка в день, в то время как все вражеские войска вместе взятые за все эти дни якобы потеряли 350 танков! Дас ист фантастиш! Вот ведь какие это были немецкие чудо-богатыри! Правда, куда подевалась их богатырская сила уже осенью 1941 года, когда и 100 советских танков в день одолеть им было уже невозможно по одной уже хотя бы причине их резкого сокращения (на грани исчезновения как вида) к тому времени в Красной Армии, этот автор не сообщает. К примеру, знаток танковых вопросов В. Чобиток утверждает о том, что к осени она имела на фронте менее полутора тысяч танков, причем в основном легких [85]. Однако, как ни странно, ее сопротивление захватчикам после столь чрезвычайного «обестанкивания» лишь усилилось.

Если верить подобным авторам, то получается, что воевать с полутора тысячами танков лучше, чем с 15 тысячами. Из этого логически возможны два вывода: либо авторы, которые пишут о многократном перевесе советских танковых сил в своей численности в начале войны, мягко говоря, грешат против истины, либо роль танков в той войне была незначительной. Автор этих строк гораздо больше склоняется к первому выводу, хотя, конечно, значение численности танков переоценивать, как это многие делают, тоже не стоит.

Читая высказывания верующих в большое численное преимущество Красной Армии в танках над вермахтом в начале войны, приходится только удивляться силе их чувства. Так, известный исследователь М. Барятинский и от этой веры не хочет отступать, заявляя, что с 22 июня по 9 июля 1941 года врагом было уничтожено 11 712 советских танков, и ежесуточные потери наших танков не хочет представлять фантастическими, определяя их в 233 танка [86], напроць при этом забывая об элементарных правилах арифметики. Но если последнее число является верным, то получается, что за 18 указанных суток советские войска потеряли 4194 танка. И, вероятно, с учетом танков, захваченных врагом практически без боя, а также вынужденно уничтоженных нашими воинами или брошенных ими в неисправном состоянии, советские потери в этих боевых машинах как раз и были в рассматриваемый период примерно такими.

Даже командующий немецкой группой армий «Центр» Ф. фон Бок, вряд ли полностью справившийся с естественным желанием приукрасить свой полководческий триумф в сражении с фронтом Д. Павлова, и то пишет в своем дневнике всего лишь о 2585 советских танков, захваченных и уничтоженных за указанный период времени подчиненными ему силами [87]. И это на самом неблагоприятном для Красной Армии фронте, потери на котором составляли в начале войны около половины всех наших потерь!

Весьма также интересно уточнить, а чем же они, то бишь фашисты, их уничтожали? Нет, понятно, не шашками или штыками, но, как ни крути, а получается, что все теми же якобы малочисленными и слабыми немецкими танками и пушками, за которые так переживают многочисленные доморощенные апологеты немецкого воинства. Как же тут благодаря их стараниям не стать вермахту в умах многих людей уже не преступным, а доблестным!?

Может быть, настала уже пора перестать развивать бурные фантазии и прославлять нацистские вооруженные силы, господа ниспровергатели сталинизма?! Ведь не сходятся же у вас, любители острых исторических ощущений, концы с концами, сколько ни старайтесь. Автору же этих строк остается только извиниться перед читателями за очередное ерничество при обсуждении столь серьезной, более того – трагической темы. Но разве можно оставаться сдержанным, если трезво, а не в опьяненном идеологией или чувством мести состоянии, взглянуть на приведенные выше высказывания этих заблудившихся в реалиях войны исследователей?!

Впрочем, здесь, наверное, уместно вспомнить и популярную поговорку о том, что война, мол, все спишет. В данном случае она, вероятно, как раз и помогла «списать» и танки, существовавшие тогда, видимо, только на бумаге, и танки, находившиеся в ремонте или не готовые по другим причинам к боям и маршам. В общем, она помогла бюрократам и разгильдяям того времени, но зато «подвела» тех историков, которые не любят проявлять критичность к формально солидным источникам.

Разумеется, в литературе можно найти и обратные указанным мнениям высказывания. Так, М.В. Конотопов, автор одного из современных учебников по истории экономики России, раскрывая вопрос о развитии военного производства в годы Великой Отечественной войны и накануне ее начала, отмечает, что «в начале войны СССР имел втрое меньше танков и самолетов, чем Германия ...» [88]. В это поверить, правда, еще труднее. Да и указанный автор в этом издании при освещении данного и иных вопросов, как и большинство других авторов современных российских учебников, почти постоянно пытается доказывать ущербность социалистической экономики и сталинской экономической политики, всячески умаляя их показатели, нередко даже противореча не только общеизвестным и очевидно существующим фактам, но и самому себе. Однако такие высказывания являются по-своему примечательными.

Впрочем, на почти подобное соотношение числа имевшихся у сторон танков и самолетов указывали и авторы советского периода, которые при этом скорее преувеличивали успехи первых пятилеток. К примеру, по данным Я.А. Иоффе, на 22 июня 1941 года советские танки и САУ составляли 48,5 % от числа немецких, а советские боевые самолеты – 31,1 % от того, что имел наш противник [89].

Не верят стереотипным утверждениям о превосходстве в количестве этой боевой техники группировки Красной Армии, сосредоточенной накануне войны у наших западных границ, и некоторые зарубежные исследователи. Так, известный французский историк Н. Верт в своем учебнике также утверждает, что войска Германии и ее союзников превосходили в этот момент советские войска по числу танков в 1,5 раза, а по количеству современных самолетов – в 3,2 раза [90]. Хотя, по-видимому, указанные авторы, считавшие, что в начале войны СССР явно уступал врагу в числе танков и САУ (штурмовых орудий), все же имели в виду только наиболее боеспособные модели этих видов боевой техники, в отличие от своих оппонентов, которые учитывали их без разбора, слепо веря документам, исследованиям и мемуарам заинтересованных участников событий.

Конечно, обстоятельно и корректно сравнивать соотношение сил и средств противостоящих армий является весьма сложной задачей из-за ее масштабности и методологических трудностей ее реализации. Но грубые обобщения соотношения сил по танкам, самолетам, орудиям и минометам при явном преуменьшении значения численности личного состава и игнорировании оснащения войск другими видами техники, оружия и иных материально-технических средств, а также их качества только запутывают дело. Можно еще понять многочисленных писателей и публицистов, одержимых антисталинизмом, антикоммунизмом или русофобией, или тех, кто отрабатывает свой антисоветский или антироссийский «хлеб», которые в стремлении умалить победу нашего Отечества, как утопающие за соломинку, хватаются за эти грубые и сомнительные в своей достоверности обобщения численности танков и самолетов, игнорируя то, что источники этих данных являются противоречивыми и неполными, а многие, особенно о немецких танках, откровенно сомнительными. Но что мешало и до сих пор мешает серьезным отечественным военным историкам? Давление Н. Хрущева, М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина и их агитпропа, амбиции Г. Жукова и других маршалов и генералов или сила все той же исследовательской инерции? Или уже, быть может, коммерческие интересы?

Можно найти немного авторов, которые пытаются реалистично взглянуть на соотношение танков и другой боевой техники в начале войны. К примеру, по мнению В. Гончарова, к началу войны «Красная Армия в два раза превосходила противника по танкам» [91]. Еще

смелее и конкретнее он был в своей более ранней работе, определяя число исправных советских танков в западных округах в 10—10,5 тыс. против 6—6,5 тыс. у немцев и их союзников [92]. Близок ему в своих подсчетах другой танковый «спец» – И. Шмелев, который количество «боеготовых» советских танков, имевшихся накануне войны в этих округах, определяет в 10 540 единиц, присовокупив к ним, правда, еще 206 новых танков, поступивших туда в последние мирные дни [93].

Несоответствие цифр соотношения количества танков у сражавшихся сторон, которые отстаиваются большинством историков, с реальными делами на фронте в начале войны вынуждает признать обоснованной постановку В. Гончаровым или, например, Ю. Мухиным [94], вопроса о довольно странном «выпадении» из сравнительных данных захваченных немцами в 1939—1940 годах в качестве трофеев многочисленных французских, британских, чешских и прочих танков, причем почти полным. Куда же все-таки делась богатая танковая добыча вермахта? На это шибко ретивым ниспровергателям нашей Победы ничего, видимо, другого не остается, как отвечать в стиле известного персонажа популярного отечественного кинобоевика: мол, трофейные танки у них были «не той системы», то бишь «не вписывались в немецкую структуру управления боем танковых дивизий» [95].

Неужели еще кому-то непонятно, что не очень любили немецкие генералы в своих дневниках, донесениях, воспоминаниях и исследованиях упоминать о трофейных танках и ином трофейном вооружении и оснащении, которое они использовали в годы войны, а тем более не любили все эти трофеи учитывать?! Если о них и упоминали, то часто старались преуменьшать их число и значение. Не нравилось им это делать во время войны, чтобы не дать повода сомневаться в «превосходстве арийской расы», доблести немецкого оружия и своих собственных заслугах. И тем более не прельщало их это делать уже после войны, чтобы было больше оправданий для своего полного в ней разгрома. Да и не очень прилично было признавать, что благодаря фактически награбленным средствам Германия смогла так резко усилить свою военную мощь в 1939—1940 годах. Вот и получается по данным немецких генералов, что солдат у них было много, а основных видов боевой техники – непропорционально мало. Других же источников для подсчета немецких и союзных им сил и средств у наших исследователей и публицистов практически нет, что видно даже из солидных отечественных трудов о войне, например, из многотомных энциклопедий «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» или «История Второй мировой войны 1939—1945 гг.».

Что же тогда нужно делать? Правильно, пытаться определять суммарные оценки всех сил и средств Германии и ее союзников, а не только танков и самолетов, причем исходя из всех данных, а не только тех, которые нравятся немецким генералам и поющим с их голоса исследователям, учитывая также и логику развития событий. При этом, конечно, нужно откровенно признать их оценочный и приблизительный характер. Однако это все же будет гораздо ближе к истине, чем выдавать те же фактически оценочные данные, и притом более чем сомнительные, за вполне точные, да еще, как правило, почти без учета других важных средств.

Надо принимать во внимание еще и то, что военно-политическому руководству Германии совсем излишним было упоминание в различных документах о всех своих силах, которые выдвигались к границам с СССР в 1941 году. Им же, как известно, нужно было скрывать эти факты, преуменьшать их масштаб, так как они втайне готовились к нападению на нашу страну, опасаясь ответной реакции руководства Советского Союза.

Итак, большинство авторов считают, что в выдвинутой против нашей страны немецкой группировке было около 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, причем почти исключительно собственного производства, и еще их союзники имели чуть более полутысячи танков производства разных стран. Но если у немцев и их союзников было так мало этих боевых машин собственного производства, а, судя по заявлениям К. фон Типпельскирха и некоторых других немецких генералов, написавших впоследствии труды о войне, им было известно о якобы

большом перевесе советских войск в числе танков [96], кто им мешал использовать трофейные танки, коих захвачено было в разных странах, но большей частью, конечно, во Франции, в основном во вполне пригодном состоянии в общей сложности до 6 тыс. штук? Так, тот же В. Гончаров справедливо отмечает, что, хотя точное количество трофейных танков, имевшихся у Германии на лето 1941 года, установить трудно, однако только в мае – июне 1940 года во Франции было захвачено не менее 4 тысяч английских и французских машин, значительная часть которых не имела повреждений либо могла быть легко отремонтирована [97].

Однако это самое большинство игнорирует наличие в начале Великой Отечественной войны в распоряжении Германии большого числа трофейных танков, не приводя, впрочем, никаких серьезных аргументов в пользу такой позиции. К примеру, Л. Лопуховский и Б. Кавалерчик, хотя и насчитали в армии вторжения 1941 года чуть больше танков, штурмовых орудий и танкеток, чем многие их единомышленники: в общей сложности – 4643, но признают наличие в это время в действующих войсках Германии только небольшого числа чешских танков, практически полностью отрицая использование в них трофейных боевых машин Франции и иных стран. По их предположению, большинство французских танков было уничтожено или повреждено в боях 1940 года [98].

Вот только много ли на самом деле было в этой кампании упорных боев, с большими потерями сторон, они, пожалуй, и не подумали. Да и непонятно из их слов, а сколько же все-таки немцам досталось неповрежденных танков либо имеющих небольшие, вполне устранимые повреждения, и куда они все-таки делись! Читая их размышления, можно подумать, что таковых и вовсе не было.

Из всего этого логически возможны два основных вывода: либо собственных танков у немцев было гораздо больше, и им не было нужды особенно-то «возиться» с трофейными, либо трофейные танки они все же активно использовали, но достоверных и точных сведений об этом в силу тех или иных причин в доступных источниках не осталось. В свою очередь, уже из этого, а также иных указанных выше обстоятельств вытекает другой вывод: по числу исправных и укомплектованных танков в начале войны враг имел, скорее всего, над нашими войсками на фронте преимущество, а с учетом их лучшего качества и огромного превосходства в укомплектовании танковых частей и соединений иными средствами, преобладание в силе танковых войск врага было подавляющим. Что они и доказали на деле, а не на бумаге. И те же французские и прочие трофейные танки были достаточно широко применены немцами в течение по крайней мере 1941—1942 годов, в том числе и в борьбе против СССР, как и немало их они передали своим союзникам. Другое дело, что эти трофейные танки, вероятно, не двигались стройными колоннами и широкими цепями по просторам СССР в авангарде вермахта, а были, видимо, по большей части применены во второстепенных боях, в виде приданных, дополнительных средств, в учебных и прочих вспомогательных целях либо переделаны в САУ и тягачи.

В частности, упоминавшийся уже А. Широкоград приводит конкретные примеры применения французских «толстобронных» танков под Брестом, Москвой и Севастополем в 1941—1942 годах, где они сыграли немаловажную роль [99]. Разумеется, трофейные танки использовались немцами в начале войны и в других местах. Однако немецкие мемуаристы, а вслед за ними и наши ведущие авторы не спешат подсчитывать общее число этих, как и других, трофейных танков и прибавлять его к традиционно называемому числу немецких танковых сил вторжения.

Преимущество вермахта и других сил вторжения над Красной Армией, помимо сказанного, подтверждают и такие элементарные логические рассуждения: слишком рискованно нападать на страну, у которой сильнее танковые войска, да еще, как свидетельствуют большинство источников, и авиация многочисленней. Даже если победишь ее, то не слишком ли высока будет цена такой победы? Ну ладно, многие сильно не любят Сталина и иных руководителей

СССР, порой выставляя их дураками, но зачем немцев-то за дураков принимать? Разве они бросили бы на сильно превосходящую в численности танков и других боевых средств Красную Армию свою более многочисленную пехоту? Или кто-то в самом деле думает, что немцы наступали со штыками наперевес (или с пашками наголо?) на наши танки, да еще и громили при этом наши войска? Автору этой работы в это поверить при всем желании не удастся, так как руководство нацистской Германии и ее вооруженных сил свое умение стратегически и тактически правильно планировать военные операции уже успело доказать блестящими победами, одержанными ими в войне с Польшей, Францией и сухопутными силами Великобритании. Следовательно, глупцами они уж точно не были и наверняка знали то же элементарное правило военной науки о том, что для гарантированного успеха наступления необходимо, как правило, 3-кратное превосходство наступающих частей над обороняющимися. По крайней мере, такой перевес нужен тогда, когда силы обороны заняли прочные позиции. Это многократное превосходство уж во всяком случае бывает необходимо на направлениях главных ударов, притом что не должны быть оголены другие направления. Поэтому они, безусловно, уповали не только на внезапность нападения или, допустим, наличие «своих» людей в руководстве Западного военного округа и Генштаба СССР либо даже качественное превосходство своих войск.

Но и в подвижной войне, в открытых сражениях, которые преобладали в 1941 году, примерное равенство сил сторон отнюдь не гарантирует постоянные успехи. Зачем же так рисковать? Может быть, Гитлер и похож на авантюриста, но никак не основная масса немецкого генералитета. Очевидно, что добиться такого превосходства против столь мощного и организованного противника, на столь огромном пространстве, в столь продолжительных и масштабных сражениях, чем СССР принципиально отличался от той же, например, Франции, одними только удачными маневрами и талантами полководцев вряд ли удастся. Почему-то в дальнейшем несильно помогли им эти самые маневры и таланты, как бы ими ни восхищались многие поклонники вермахта. Скорее, наоборот, наши полководцы и наш Главнокомандующий были талантливее, так как РККА, а не вермахт, одержала победы в самых крупных сражениях в 1943 году, то есть в то время, когда силы сторон были примерно или почти равны.

Наверное, невозможно поставить под сомнение то, что немецкие танковые войска сильно превосходили советские в боях в начале войны, а их авиация сразу же завоевала господство в воздухе. Представляется, что это было вполне закономерно, о чем свидетельствуют мемуары советских военачальников. К примеру, в своей книге «Время и танки» один из командующих танковыми войсками в годы войны, маршал П.А. Ротмистров, писал о превосходстве противника на тот момент «по средним и тяжелым танкам – в 1,5 раза», а «по боевым самолетам новых типов – в 3,2 раза» [100]. Но, пожалуй, еще более расходятся с доминирующими в литературе представлениями о превосходстве советских войск в начале войны в количестве танков и другой боевой техники воспоминания начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова. Объясняя достигнутый в это время быстрый большой успех немцев, он пишет, что войска противника, противостоявшие 4-й армии, превосходили ее по численности танков – почти в 2 раза, самолетов – в 2 раза, артиллерийских средств – в 4 раза, а танков нового типа в этой армии и вовсе не было [101]. При этом, исходя из известных данных о распределении сил и средств по военным округам в 1941 году, трудно усомниться в том, что в других соединениях советских войск, выдвинутых к началу войны к западным границам, во всяком случае Западного и Северо-Западного фронта, соотношение сил было резко отличающимся от названного Л.М. Сандаловым. Надо полагать, что эти военачальники знали реальные обстоятельства войны, во всяком случае соотношение на фронтах у сторон танков и самолетов, вероятно, все-таки лучше, чем всякого рода писатели и даже ученые послевоенной эпохи.

И так ли уж сильно ошибались в своих расчетах НКО и ГШ, определяя в планах стратегического развертывания советских вооруженных сил от 11 марта 1941 года число танков у Германии и ее союзников, которые они могут развернуть против СССР, в 10 810 машин, а самолеты

тов – в 11 600? [102] Ведь немецкое военно-политическое руководство было в то время скорее заинтересовано в сокрытии своих сил. Впрочем, один из современных авторов, Л. Левин, апеллируя к начальнику военной разведки Ф. Голикову, и вовсе утверждает, что общее количество танков, которыми располагали Германия и ее союзники в июне 1941 года, достигало 12 тысяч, а возможно, и 16 тысяч единиц [103].

Разумеется, и не все немецкие историки послевоенного периода считали, что Красная Армия накануне войны якобы обладала превосходством в боевой технике и вооружении над силами вторжения. Например, К. Рейнгардт, ссылаясь на «управление военной экономики и вооружения» Германии, писал следующее: «Когда началась война против СССР, Германия, по существовавшему в то время убеждению, была достаточно вооружена, чтобы добиться быстрой победы. Значительными были и резервы, чтобы можно было довести кампанию до конца без дополнительных усилий» [104].

Самыми же показательными являются подсчеты авторов энциклопедии «История Второй мировой войны 1939—1945 гг.», которые, кстати, соответствуют указанным предвоенным подсчетам советского военного ведомства. По их данным, со ссылкой на дневники Ф. Гальдера, в вооруженных силах Германии перед нападением на СССР помимо собственных 5639 танков и штурмовых орудий имелось 4930 трофейных, захваченных во Франции. При этом 86 % их танковых дивизий и все моторизованные были направлены «на восток». Однако, несмотря на приведенные данные, общее число танков и штурмовых орудий, направленных для вторжения в СССР, авторами этой энциклопедии определено как «более 4000». Этот неожиданный вывод они сделали на основе послевоенного сочинения Б. Мюллера-Гиллебранда, признав при этом, что его данные являются неполными [105]. Только и остается удивляться тому, что составители энциклопедии важнейшему, создававшемуся не напоказ документу, автором которого являлся один из наиболее осведомленных по этому вопросу людей – начальник Генштаба сухопутных войск вермахта, предпочли вторичный источник, автором которого был человек, написавший свой труд явно не без влияния субъективного интереса.

Нельзя упускать из виду и то безусловное обстоятельство, что правительства любых государств при подготовке документов в мирное время (до войны) и в ходе войны, как правило, заинтересованы в записи в них полной информации о направленных в армию силах и средствах, а командующие войсками, напротив, как правило, – в их преуменьшении. Поэтому в официальных государственных документах СССР, в том числе полностью подконтрольного политическому руководству Советского государства руководства военного ведомства, сведения о танках были полными. Более того, учитывая стереотипы поведения бюрократии, во всяком случае отечественной, есть основания полагать, что они были, вероятнее всего, преувеличенными. Автор не считает вслед за ниспровергателями большевизма, что все цифры советских экономических и иных успехов в рассматриваемую эпоху были дутыми, но все-таки многие из них, по-видимому, были действительно несколько завышенными. По крайней мере, это касается данных о направлении в вооруженные силы страны боевой и иной техники, оружия и других материальных средств.

Впрочем, некоторые авторы, например Ю. Житорчук, отваживаются об этом писать еще более уверенно: «В армии, как и во всей стране, в предвоенное время широко бытовали показуха и всякого рода приписки, всплывшие наружу в первые дни войны» [106].

Скорее всего, данные о произведенной продукции военного назначения в целом и в основном соответствовали действительности, но, как известно, существует немало хитростей, которые позволяют различным деятелям, а также органам статистики, в отчетах и других документах завышать реальные показатели производства и поставок продукции, не прибегая, чтобы навлечь гнев самого высокого начальства, к явной, прямой лжи (почти то же самое происходит и в любое другое время). Например, можно указывать в отчетах за текущий период продукцию, которая не была еще полностью изготовлена, принята, испытана, отгружена, поступила

получателю, принята им и т.д. Можно также не торопиться снимать с учета уже безнадежно неисправные, устаревшие или фактически выбывшие танки.

Поэтому кажутся не столь уж удивительными те странности, которые обнаружил Е. Темежников, утверждавший на основе изучения трудов немецких генералов-мемуаристов (Х. Гудериана, Г. Гота, Г. Блюментрита, Н. Белова, Б. Мюллера-Гиллебранда и др.), что танки нового типа Т-34 они впервые заметили в июле 1941 года, а первую крупную группировку таких танков встретили в бою только в октябре 1941 года [107]. Но где же тогда были эти почти тысяча танков нового типа (или даже более того), которые якобы успели поступить к началу войны в советские войска, находившиеся в западных округах, а также сотни этих боевых машин, которые должны были поступить на фронт летом 1941 года?

Отсюда не приходится удивляться и высказываниям другого современного автора, Д. Хазанова, о том, что фактическая убыль советских самолетов после первого дня войны составила не 1200, как обычно считается, и даже не 1800, как утверждали немецкие отчеты, а 2000, как это им подсчитано путем суммирования архивных отчетов советских фронтов. «Куда же делись остальные?» – недоумевает этот автор [108]. И как тут не ответить на вопрос вопросом: а были ли они к началу войны в наличии? Как мы видим, и с самолетами было примерно то же самое, что и с танками: на бумаге – одно, а в жизни – другое.

Характерным в этом смысле является также свидетельство одного из наиболее признанных немецких теоретиков и практиков танковых сражений, Х. Гудериана, который так комментировал возросшее сопротивление советских танковых сил захватчикам к середине осени первого года войны: «Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику» [109]. Это он связывал с начавшимся массированным применением советскими войсками танков Т-34, которые были, по его мнению, более сильными, чем немецкие танки того времени. И это стало заметным, судя по его воспоминаниям, лишь 11 октября 1941 года.

Мотивы указанного поведения руководителей государства, в том числе и оборонного ведомства, являются вполне понятными. Они заинтересованы показывать свою заботу об обороноспособности страны, достижения государства в производстве и закупках военной продукции, оснащении войск, так как это свидетельствует именно об их успешной деятельности. Тому же начальнику ГАБТУ Красной Армии в личных интересах было целесообразно показать как можно более крупные цифры наличия танков в войсках и одновременно занизить число нуждающихся из них в ремонте, то есть представить свою деятельность в более выгодном свете. Напротив, командующим войсками было важно показать, что у них сил и средств имеется немного, чтобы потребовать у правительства их побольше, а во время войны и после нее любые победы можно было бы представить как более весомые успехи, ну а поражения, в свою очередь, оправдать, хотя бы частично, нехваткой этих самых сил и средств.

Вот и «писали маслом» накануне войны составители отчетов из ГАБТУ красивую картину об армаде советских танков, а один из командующих танковыми войсками в то время, П. Ротмистров, правда, уже после войны, напротив, вел речь об их фактической нехватке в войсках. Но наши послевоенные историки почему-то дружно верят начальнику ГАБТУ, а не П. Ротмистрову и другим нашим боевым военачальникам. При этом они столь же завороженно верят и Б. Мюллеру-Гиллебранду. Одним словом, верят тем, кто пишет о том, что танков у нас было много, а у немцев мало. Вот такая у них вера. Что уже говорить о том, что любые слова, в том числе и своего кумира Б. Мюллера-Гиллебранда, таким ученым и не очень ученым мужам неплохо бы было проверять фактами реальных событий и их результатов. Чьи же танки, в конце концов, в 1941 году были заметнее в боях, прорывали оборону, окружали войска, совершали рейды по их тылам?!

Итак, почему же советские танки подсчитываются по официальным данным, а немецкие и союзные им – по трудам их побежденных генералов? Это является совершенно недопусти-

мым в методологическом отношении. Пусть даже эти генералы и писали о том, что они для своих подсчетов использовали самые достоверные источники из архивов немецких ведомств. Вот только где эти архивы и кто их проверял? Что касается победных реляций других немецких генералов об уничтожении и захвате в начале войны в общей сложности многих тысяч советских танков, то ничего особенного в этих заявлениях нет. Кроме нескольких тысяч реально участвовавших в начале войны в боях и в большинстве своем действительно подбитых немцами (понятно, что в основном легких и устаревших), были еще и многочисленные танки, оставленные на территории воинских частей и в мастерских, брошенные на маршах или во время боя вследствие поломок или небольших повреждений, отсутствия горючего, запчастей и т.д. Но были еще и обычные для подобных донесений преувеличения и двойной учет.

Да, возможно, что, как указано в докладе начальника ГАБТУ, общее количество советских танков в июне 1941 года превышало 23 тыс. единиц (хотя, скорее всего, оно было все-таки несколько завышено) [110], а их число превышало число танков, которыми обладали в это время Германия и ее европейские союзники, более чем в 2 раза или даже в 3 раза. Но где реально были все эти танки в грозные первые дни начала войны и в каком состоянии они находились? Ведь в июне 1941 года в бой вступили не те танки, которые значились на бумаге, а те, которые были на фронте, находились в исправном состоянии, были заправлены горючим, имели необходимое оснащение и, в конце концов, наличие членов их экипажей.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о мощи танковых войск противостоявших друг другу на фронте сторон в первые дни войны, следует еще раз отметить, что точное соотношение количества имевшихся у них боеспособных танков и САУ (штурмовых орудий) не известно никому. Больше того, его установить невозможно. Сам же автор на основе приведенных выше данных это соотношение может оценить приблизительно так: до 4,5 тыс. – в войсках Германии и ее союзников, около 4 тыс. – в войсках СССР, в том числе по танкам новых типов: свыше 1,5 тыс. – в войсках Германии, около 0,5 тыс. – в войсках СССР.

Кроме того, можно вполне предположить, что еще 5—6 тыс. советских танков, находившихся к началу войны в западных приграничных округах в исправном или почти исправном состоянии, в том числе около 0,5 тыс. машин новых конструкций, должны были и могли быть введены в бой в течение нескольких дней после начала войны. Однако многие из них были введены в бой с запозданием, а немало из них и вовсе так и не были использованы в борьбе с врагом: брошены, выведены из строя, чтобы не достались врагу, захвачены им и т.д. О причинах такого положения вещей уже говорилось: они находились в ремонтных мастерских, в пути, достаточно далеко от границы и линии фронта, не имели укомплектованных экипажей, в том числе из-за отсутствия на местах их членов, безвозвратных и санитарных потерь последних, ввиду нехватки горючего и т.д. В свою очередь, наш враг, как можно предположить, готов был ввести в бой в течение нескольких дней с момента начала войны еще до 3 тыс. танков и штурмовых орудий, в том числе до 1 тыс. мощных типов, которые находились в достаточной готовности вблизи линии фронта. Среди них, по-видимому, значительную часть составляли французские и иные трофейные танки.

При этом с учетом качества и оснащения танков, степени укомплектованности их экипажей, их профессиональной подготовки и боевого опыта, насыщенности танковых войск другой техникой, вооружением, иными средствами и силами, танковые и моторизованные войска Германии в июньские дни 1941 года явно превосходили по своей мощи аналогичные советские войска. Насколько можно оценить, это превосходство было гораздо большим, чем в полтора раза, а возможно, оно приближалось к двухкратному.

Как же так получилось, что, несмотря на огромные успехи в производстве танков, которые достиг в 30-е годы СССР, в силе танковых войск Красная Армия в начале войны все же значительно уступала войскам Германии и ее союзников? Да, наша страна в этот период, скорее всего, действительно произвела в несколько раз больше танков, чем Германия, но все же

в силу ряда обстоятельств фашистский блок государств оказался к войне готов лучше, в том числе и в этом отношении.

Дело здесь в том, что:

1) почти половину всего танкового парка СССР к началу войны составляли танки, произведенные до 1936 года, когда Германия только начала после долгого перерыва массовое производство своих танков, причем уже на качественно новой технической основе, поэтому советские танки в среднем были гораздо более технически и физически устаревшими, а очень многие успели стать неисправными;

2) немалая часть наших танков, числившихся в отчетах, как можно уверенно предположить, реально в войсках отсутствовала: одни из них успели выбыть, но не были еще списаны, другие (особенно это касается только начавших производиться танков нового типа – Т-34 и КВ) еще в войска не поступили, а только готовились к направлению в них или, в крайнем случае, были туда в пути; не обошлось, видимо, и без явных приписок;

3) Германия в силу целого ряда обстоятельств (лучшего развития инфраструктуры, большего числа квалифицированных научно-технических кадров, более целенаправленной и интенсивной подготовки к войне и т.д.) опередила СССР в разработке и внедрении в производство к началу войны танков новых типов;

4) немцы захватили в 1939—1940 годах большое число вполне боеспособных или требующих незначительного ремонта трофейных французских, британских, чешских и танков других стран, большинство из которых так или иначе было ими в войне использовано, причем в основном в 1941—1942 годах;

5) немецкое производство танков развивалось на основе более передовой научно-технической и экономической базы, в становлении которой Германия долгое время намного опережала нашу страну, а успехи в индустриализации и культурной революции первых пятилеток в СССР позволили только значительно сократить это отставание, но не ликвидировать его полностью, поэтому немецкие танки к началу войны в среднем превосходили советские по совокупности боевых и технических характеристик, а тем более по оснащению, качеству и надежности;

6) Германия значительно опережала СССР в количестве и уровне подготовки специалистов-«технарей» и технических навыков своих военнослужащих и военнообязанных и, кроме того, имела возможность в начале войны привлекать для укрепления материально-технической базы своих войск специалистов из многомиллионного населения оккупированных стран, поэтому немецкие войска имели более укомплектованные и хорошо подготовленные экипажи боевых машин и намного лучшую ремонтно-техническую базу;

7) германские танковые соединения и части были лучше укомплектованы личным составом, автомашинами, артиллерией и другим вооружением;

8) советское военное руководство допустило ряд грубых ошибок в планировании производства танков и их оснащения, а также организации танковых войск, что привело к их несбалансированности и иным диспропорциям; по числу и величине танковых соединений и частей и самих танков Красная Армия в целом не уступала к началу войны армиям Германии и ее союзников, но большинство из этих соединений и частей не были сформированы и укомплектованы как вполне боеспособные структуры;

9) немцы и их союзники, будучи нападающей стороной, непосредственно подготовили свои танки к бою к моменту вторжения и заняли исходные позиции, а наши танки, даже полностью исправные, были в этот момент в основном к бою не готовы, и для их подготовки, выхода, занятия позиций и т.д. требовалось немало времени, чем и воспользовался противник;

10) внезапный мощный первый удар в начале войны позволил Германии быстро и сравнительно легко захватить или уничтожить значительную часть советских танков, нередко без боя, при небольших собственных потерях этих боевых машин.

К этому надо добавить еще и то, что немцы и их союзники к моменту своего вторжения сосредоточили большую часть имевшихся у них танков во фронтовых группировках своих войск, а большая часть советских танков находилась далеко от границы, от нескольких сотен до многих тысяч километров от нее.

Здесь следует кратко остановиться на истоках подобного опережения нашей страны Германией, как и многими другими присоединенными и оккупированными ею странами, в экономическом и научно-техническом отношении. Бесспорно, что оно коренится в глубине веков, ведь эта держава в развитии материальной и научно-образовательной культуры издавна сильно превосходила Россию и другие государственные образования Восточной Европы.

Так, если мы обратимся к спискам наиболее выдающихся ученых, изобретателей и конструкторов XIX – первой трети XX века, как и к спискам научных открытий, технических изобретений, передовых разработок различных видов машин, приборов и технологий того времени, то сразу заметим наше сильное отставание, особенно учитывая соотношение численности населения. К примеру, начало автотранспортной эры на нашей планете еще в конце XIX века было положено выдающимися немецкими конструкторами и изобретателями, такими, как К. Бенц, Г. Даймлер, А.В. Майбах, Н. Отто, Р. Дизель, дело которых вскоре продолжили А. Хорх, Ф. Порше, Г. Хонольд и специалисты фирм «Даймлер-Бенц», «Опель», «Ауди», «БМВ», «Майбах», «Хеншель», «МАН» и т.д. Решающий вклад в появление авиационных, радиотехнических, электротехнических и оптических технологий и их внедрение в производство во второй половине XIX – начале XX века также внесли немецкие физики, конструкторы и изобретатели, такие, как Э.В. фон Сименс, Г.Р. Герц, К.Ф. Браун, Х. Юнкерс, Э.Г. Хайнкель, В. Мессершмидт, К. Дорнье, В. Кольрауш, Э. Аббе, К.Ф. Цайсс, Р. Бош, В. Шоттки, И. Этрих, Г. Фокке, как и основанные в Германии ими и другими предпринимателями фирмы.

В большинстве из этих отраслей и их сегментов немецкие конструкторы, изобретатели и фирмы добивались приоритета, пожалуй, чаще, чем представители любой другой страны. Лишь в авиации немцы, возможно, поначалу несколько отставали от достижений американцев и французов. Зато в 30-е годы прошлого века и в этой сфере они вырвались вперед во многих ее направлениях, создав, например, первые практически применимые реактивные самолеты, вертолеты и даже первые ракеты различных типов.

Были, конечно, в XIX веке и начале XX века и в России выдающиеся физики, химики и изобретатели, но немалая их часть имела иностранное, особенно часто, кстати, немецкое происхождение (например, Э.Х. Ленц, Б.С. Якоби, Г. Гесс), а их достижения, как правило, уступали успехам ученых, конструкторов и изобретателей Германии, а если и не уступали, то не находили должного практического применения.

Ну а по числу нобелевских лауреатов в основополагающих науках Германия намного опережала все другие страны мира. Так, с 1901 по 1939 год Нобелевская премия присуждалась немецким ученым (с учетом австрийцев) за работы в области физики 14 раз, столько же, сколько физикам США и Великобритании вместе взятым, и 15 раз – в области химии, столько же, сколько ученым всех других стран мира вместе взятым (некоторые годы премия никому не присуждалась). К сожалению, наши соотечественники за это время ни разу не были удостоены этой самой престижной международной награды за достижения в указанных науках. Можно, конечно, здесь говорить о некой дискриминации отечественных ученых, но вряд ли она имела в этом отношении значение решающего фактора. Разумеется, большевиков на Западе, в том числе и в Скандинавских странах, очень не любили, да и русских там некоторые недолюбливали, но то, что за первые 17 лет XX века, когда Россия жила без большевиков, никто из наших ученых не получил такой награды, свидетельствует в первую очередь все-таки об объективном характере сильного отставания отечественной науки в это время.

Можно также говорить о том, что Нобелевская премия вообще слабо отражает истинные заслуги ученых. Возможно, в последние годы эта премия и в самом деле «измельчала». Однако

список нобелевских лауреатов по физике и химии довоенного времени воистину впечатляет: Э. Резерфорд, А. Эйнштейн, М. Планк, В. Гейзенберг, Н. Бор, Э. Шредингер, Х.А. Лоренц, М. Склодовская-Кюри, П. Кюри, В.К. Рентген, Дж.У. Рэлей, Э. Ферми, В. Нернст, П. Дирак, Э. Фишер, А. фон Байер, Дж. Томсон, К.Ф. Браун, Я. вант Хофф, А.А. Беккерель...

Характерно, что в послевоенные годы, несмотря на «холодную войну» и обвинения СССР в нарушении прав человека, в период с 1956 по 1978 год, то есть во время некоторого улучшения советско-западных отношений, этих престижных наград в указанных отраслях были удостоены 8 советских ученых: П. Капица, Н. Семенов, Л. Ландау, А. Прохоров, Н. Басов, И. Тамм, П. Черенков и И. Франк. При этом Нобелевских премий наши соотечественники скорее «недополучили» в послевоенный период, чем в довоенный, а тем более в дореволюционный.

Кто из русских физиков и химиков мог реально претендовать в свое время на эту награду? Разве что А. Ляпунов, П. Лебедев, Н. Жуковский, возможно, еще Н. Умов и Д. Чернов. Сделавшие свои главные научные открытия и разработки еще до революции Н. Зелинский, А. Крылов и С. Чаплыгин по обычаям Нобелевского комитета реально могли претендовать на эту награду только в советское время, а С. Тимошенко и В. Звoryкин своих наибольших научных успехов добились после эмиграции в США.

Зато потом, в основном уже в более позднее советское время, при условии меньшей закрытости многих советских научных изысканий и лучшего отношения к нашей стране на Западе, Нобелевские премии вполне могли получить такие выдающиеся советские ученые, как И. Курчатов, М. Келдыш, А. Александров, В. Челомей, Ю. Харитон, Б. Никольский, Е. Патон, Б. Патон, Н. Боголюбов, Я. Зельдович, С. Вавилов, А. Иоффе, А. Лебедев, И. Артоболевский, Л. Арцимович, И. Кикоин, А. Виноградов, В. Энгельгардт, Д. Скобелцын, Е. Забабахин, А. Сахаров, Е. Завойский, Б. Введенский, А. Фрумкин, Л. Мандельштам, А. Шальников, С. Лебедев, В. Вологдин, Б. Долгоплоск, А. Несмеянов, Н. Курнаков, А. Логунов, Г. Флеров, Б. Розинг, И. Петрянов-Соколов, М. Миллиончиков, К. Щелкин, М. Садовский, Е. Велихов. И вряд ли этот список получился полным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.